

Лавандовая комната

Автор:

[Нина Георге](#)

Лавандовая комната

Нина Георге

Впервые на русском языке роман Нины Георге «Лавандовая комната». Изданный в Германии в 2013 году, он мгновенно приобрел статус бестселлера и был переведен на несколько десятков языков.

Жан Эгаре – владелец пришвартованного у набережной Сены плавучего книжного магазина с названием «Литературная аптека» убежден: только правильно подобранная книга способна излечить от множества «маленьких», но болезненных чувств, эмоций и ощущений, которые не имеют описаний в медицинском справочнике, но причиняют вполне реальные страдания.

Кажется, единственный человек, в отношении которого оказалась бессильной его теория, – это сам Эгаре: не имея сил смириться с пережитой потерей, двадцать один год жизни он провел в безуспешных попытках убежать от мучительных воспоминаний.

Все изменится этим летом, когда неожиданное стечение обстоятельств заставит Эгаре поднять якорь и отправиться в путешествие к самому сердцу Прованса – навстречу воспоминаниям и надежде на новое начало.

Нина Георге

Лавандовая комната

Моему отцу

Иоахиму Альберту Вольфгангу Георге, по прозвищу Джо Широкий

(Заваде / Айхвальдау, 20 марта 1938 – 4 апреля 2011, Хамельн),

посвящается.

Папа,

ты был единственный человек, который читал все, что я писала, с тех пор как я начала писать. Мне будет не хватать тебя. Всегда. Я вижу тебя в каждом вечернем огне и в каждой волне всех морей и океанов.

(Нина Георге, январь 2013 г.)

Этот роман посвящается тем, кого уже нет.

И тем, кто их все еще любит.

Nina George

DAS LAVENDELZIMMER

Copyright © 2013 by Nina George

Originally published in 2013 by Droemer Knauer

All rights reserved

© Р. Эйвадис, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

1

Как я мог попасться на эту удочку?..

Две генеральши дома № 27 – его владелица мадам Бернар и консьержка мадам Розалетт – взяли мсье Эгаре в клещи на площадке между своими квартирами на первом этаже.

– Этот Ле П. поступил со своей женой как последний мерзавец!

– Что называется, ободрал как липку. Позор!

– Мужчинам, конечно, многое можно простить, когда видишь их жен... Ледышки в шанели! И все же мужчины – это какие-то чудовища!

– Простите, я не понимаю, что, собственно...

– Нет-нет, вас это, конечно, не касается, мсье Эгаре. Вы – просто кашемир по сравнению с дерюгой, из которой сшиты остальные мужчины.

– Короче говоря, у нас новая жилища. На вашем, на пятом этаже, мсье.

– Но у этой бедняжки ничего нет. Ровным счетом ничего! Кроме разбитых иллюзий. Ей нужно практически всё!

– Так что, как говорится, не проходите мимо, мсье. Помогите чем можете. Она будет рада любому пожертвованию.

– Разумеется. Я мог бы предложить ей, например, несколько хороших книг...

- Честно говоря, мы имели в виду что-нибудь более... полезное. У мадам ведь...

- ...ничего нет. Понимаю.

Книготорговец был убежден, что нет ничего полезней книги, но пообещал подарить новой соседке стол. У него ведь был лишний стол.

Мсье Эгаре засунул галстук между двумя верхними пуговицами наскоро выглаженной белой рубашки и аккуратно закатал рукава по локоть. Он в нерешительности стоял перед книжным стеллажом в коридоре. За стеллажом находилась комната, которую он не открывал двадцать один год.

Двадцать один год, двадцать одно лето и двадцать одно новогоднее утро.

Но злополучный стол стоял в этой комнате.

Он глубоко вздохнул и взялся за первый попавшийся том. Это был роман Джорджа Оруэлла «1984». Он не рассыпался на части. И не укусил его за руку, как злая кошка.

Он взял следующий том, потом еще два, потом потянулся к полке обеими руками и принялся выгребать книги охапками и складывать их в стопки на пол, рядом с собой.

Стопки быстро превращались в столбы. В башни. В волшебные горы. Он прочел название последней книги: «Когда часы проббили тринадцать»[1 - Немецкое название романа английской детской писательницы Филиппы Пирс (1920–2006) «Том и полночный сад». – Здесь и далее примеч. перев.]. Сказка – путешествие во времени.

Если бы он верил в предзнаменования, он расценил бы это как некий знак.

Он принялся кулаком снизу выбивать полки стеллажа из креплений. Потом отступил на шаг.

Вот она. Как призрак выступает из разобранной вербальной стены. Дверь в комнату, в которой...

Я же мог бы просто купить стол?

Мсье Эгаре провел рукой по лицу. Да. Обтереть книги, поставить их на место и опять забыть про эту дверь. Купить стол и жить себе дальше, как жил все эти долгие годы. Через двадцать лет ему стукнет семьдесят, и оттуда, из будущего, он уж как-нибудь разберется с прошлым. А может, просто успеет умереть.

Трус.

Дрожащими пальцами он повернул дверную ручку, осторожно приоткрыл дверь, потом легонько толкнул ее внутрь, прищурил глаза и...

Лунный свет и сухой воздух. Он медленно вдохнул носом, принюхиваясь, но ничего не почувствовал.

Запах *** исчез.

За двадцать одно лето Мсье Эгаре научился обходить сознанием ***, как обходят открытые канализационные люки.

Ее имя обычно всплывало в его памяти как ***. Как короткий пробел тишины в ровном жужжании потока мыслей, как маленькое белое пространство среди образов прошлого, как точка темноты в его чувствах. Его мышление освоило все виды пробелов.

Мсье Эгаре осмотрелся в комнате. Она показалась ему такой тихой. И бледной, несмотря на обои цвета лаванды. Годы, проведенные за закрытой дверью, вытравили из нее цвет.

Свет из коридора почти не встречал преград, предметов, которые могли бы отбрасывать тени. Простой стул. Кухонный стол. Ваза с лавандой, украденной два десятилетия назад на плато Валансоль. И пятидесятилетний мужчина, опустившийся на стул и обхвативший себя руками.

Вон там были занавески. Там – картины, цветы и книги. Был кот Кастор, который спал на диване. Были горящие свечи, шепот, полные бокалы красного вина и музыка. Танцующие тени на стене – одна высокая, другая удивительно красивая.

В этой комнате жила любовь.

Теперь остался только я.

Мсье Эгаре прижал кулаки к горящим глазам. Он несколько раз судорожно глотнул, чтобы подавить слезы. У него перехватило дыхание, а спину вдруг обожгло каким-то горячим, болезненным ознобом.

Когда ему наконец удалось проглотить стальной ком в горле, он встал и открыл окна. В комнату полились запахи из двора.

Травы в садике Гольденбергов. Розмарин, тмин. К ним примешался запах массажных масел Че, слепого подиатра, «мага и чародея в области потрескавшихся пяток». Эту палитру дополнял омлетный дух, перекликающийся с острым, пряным чадом жаренного на гриле мяса из кухни африканца Кофи. А поверх всего реял запах июньского Парижа – тонкий аромат липы и ожидания.

Но мсье Эгаре не желал поддаваться этому дурману. Он изо всех сил противился его магической власти. Он изрядно преуспел в искусстве игнорировать все, что могло спровоцировать тоску в любых ее проявлениях. Запахи. Мелодии. Красоту предметов.

Он принес из каморки, расположенной рядом с крохотной кухней, ведро воды и мыло и принялся отмывать стол.

Орудя тряпкой, он упорно отталкивал от себя размытый образ – воспоминание о том, как он когда-то сидел за этим столом, не один, а с ***. Он тер, скоблил и старался не слышать въедливого вопроса, как ему жить дальше, теперь, когда он открыл комнату, в которой были погребены его любовь, его мечты и его прошлое.

Воспоминания – как волки: от них не убежишь, их не уговоришь оставить тебя в покое.

Мсье Эгаре отнес узкий стол к двери, просунул его сквозь разобранную книжную стену и потащил дальше, мимо волшебных бумажных гор на лестничную площадку, к квартире новой соседки.

Он уже хотел постучать, когда вдруг услышал эти пронзительно-печальные звуки.

Всхлипывания, приглушенные рыдания, словно сквозь подушку.

Кто-то плакал за зеленой дверью.

Женщина. И она плакала, явно стараясь, чтобы никто ее не услышал.

2

Она была женой «этого... ну, вы знаете, этого Ле П.».

Эгаре не знал никакого Ле П. Он не читал парижских сплетен.

Мадам Катрин «Ле П., ну, вы знаете» вернулась однажды поздним вечером домой из агентства своего мужа-художника, где работала на него в качестве пресс-секретаря. В дверь был врезан новый замок, на лестничной площадке стоял чемодан, на котором лежал бракоразводный контракт. Ее муж исчез, не оставив адреса, взяв с собой старую мебель и новую жену.

У Катрин, экс-супруги этого козла, теперь не было ничего, кроме более чем скромного гардероба, принадлежавшего ей еще до вступления в брак. И отчетливого осознания наивности веры в то, что, во-первых, любовь – это как минимум залог нормальных человеческих отношений между супругами после возможного разрыва, а во-вторых, что она слишком хорошо знает своего мужа, чтобы он мог ее еще чем-то удивить.

– Типичное заблуждение, – важно изрекла мадам Бернар, домовладелица, в промежутке между двумя кольцами дыма, выпущенными из трубки. – Мужа узнаешь по-настоящему только тогда, когда он от тебя уходит.

Мсье Эгаре еще не видел свою соседку, так безжалостно выброшенную из ее собственной жизни.

И вот он слушал ее одинокий плач, который она отчаянно пыталась заглушить, может быть, ладонями, а может, кухонным полотенцем. Он боялся смутить ее, обнаружив свое присутствие. В конце концов он решил сходить пока за стулом и вазой.

Вернувшись, он тихо шагал взад-вперед между своей и ее квартирами. Он хорошо знал все коварство этого старого гордого дома, знал, какие доски скрипят, какие стенки встроены позже и потому гораздо тоньше старых, а какие скрытые пустоты между стен действуют как резонаторы.

Когда он склонялся над своей географической картой в виде пазла из восемнадцати тысяч элементов – единственным предметом обстановки в гостиной, – дом посылал ему, словно радиосигналы, признаки жизни других обитателей.

Ссоры Гольденбергов (Он: «Ну ужели ты не можешь хоть раз?.. Почему ты?.. Разве я не?..» Она: Вечно ты!.. Никогда от тебя не дождешься!.. Я хочу, чтобы ты наконец!..»). Он знал их еще свежеепеченными молодоженами. В ту пору они много смеялись. Потом пошли дети, и родители стали стремительно отдаляться друг от друга, как дрейфующие континенты.

Он слышал, как инвалидное кресло пианистки Клары Виолет переваливается через пороги, съезжает с ковров, катится по голому полу. Когда-то он видел ее весело танцующей.

Он слышал кухонные манипуляции старого Че и молодого Кофи. Че дольше гремел кастрюлями. Старик был слеп, сколько он его помнил, но говорил, что видит мир благодаря запахам и звукам, которые люди производят своими мыслями и чувствами. Че словно читал сквозь стены, безошибочно определяя, в какой из квартир любят друг друга, в какой враждуют друг с другом, в какой есть жизнь, а в какой нет.

Каждое воскресенье Эгаре слышал, как мадам Бомм и остальные члены клуба ее вдовствующих подружек по-девчоночьи хихикают над скабресными

книжонками, которые он раздобыл для них тайком от их негодующих домочадцев.

Дом № 27 на рю Монтаньяр был крохотным океаном проявлений жизни, плещущим у берегов его безмолвного острова.

Он слушал все это уже двадцать лет. Он так хорошо изучил своих соседей, что иногда удивлялся, как мало они знают о нем самом (хотя его это вполне устраивало). Они даже не подозревали, что у него в квартире не было другой обстановки, кроме кровати, вернее, матраса, стула и вешалки, никаких безделушек, статуэток, никакой музыки, никаких фотоальбомов, мягкой мебели или посуды (если не считать абсолютного минимума, рассчитанного на одного человека). Они не знали, что он добровольно избрал эту спартанскую простоту. Две комнаты, в которых он жил, были настолько пусты, что, когда он кашлял, ему отвечало эхо. В гостиной была лишь огромная карта-пазл на полу. Спальню делили между собой матрас, гладильная доска, лампа для чтения и вешалка на колесиках, на которой висели три совершенно одинаковых комплекта одежды: три пары серых брюк, три белые рубашки и три коричневых пуловера. В кухне были кофейник, банка с кофе и полка с продуктами. Расположенными по алфавиту. Может, это даже хорошо, что никто этого не видел.

И все же он питал странные чувства к жильцам дома № 27. Он почему-то гораздо лучше чувствовал себя, когда знал, что у них все хорошо. И пытался ненавязчиво и по возможности незаметно способствовать их благополучию. В этом ему помогали книги. В остальном же он всегда держался на заднем плане общей картины, где-то между грунтовкой и верхним красочным слоем, в котором пульсировала жизнь.

Был, впрочем, один новый жилец, Максимилиан Жордан с четвертого этажа, который все еще никак не мог оставить его в покое. Жордан носил беруши, изготовленные по индивидуальному заказу, поверх них – наушники от холода, а в холодные дни еще и вязаную шапку. Это был молодой писатель. Он в одночасье прославился своим первым романом, грянувшим словно победный марш, и теперь, как затравленный заяц, бегал от поклонников, которые готовы были поселиться прямо в его квартире. Этот Жордан проявлял к мсье Эгаре какой-то странный интерес.

Когда Эгаре закончил свою инсталляцию в виде кухонного стола, стула и вазы перед дверью новой соседки, плач прекратился.

Вместо него он услышал скрип половиц, на которые кто-то ступал явно с таким расчетом, чтобы они не скрипели.

Он робко постучал в матовое стекло зеленой двери.

С той стороны к двери приблизилось лицо. Смутный светлый овал.

- Да?.. - прошептал овал.

- Я принес вам стол и стул.

Овал молчал.

Надо говорить с ней мягко, ласково. Она так долго плакала, что, наверное, вся пересохла и еще, чего доброго, рассыплется в прах, как осенний лист.

- И вазу... Для цветов. Красные цветы, например, очень неплохо смотрелись бы на белом столе.

Он почти прижался щекой к стеклу.

- Я мог бы дать вам и какую-нибудь хорошую книгу... - прошептал он.

Свет в подъезде погас.

- Какую? - прошептал овал.

- Какую-нибудь такую, которая может утешить.

- Но я еще не выплакалась. Мне еще нужно поплакать. Иначе я утону. Понимаете?

- Конечно. Люди часто плавают в невыплаканных слезах, пока не утонут в них. Я и сам на дне такого моря. Хорошо, я принесу вам книгу, чтобы плакать.

– Когда?

– Завтра. Пообещайте мне, что вы сначала что-нибудь съедите и выпьете, а потом уж продолжите плакать.

Он сам не понимал, как это у него вырвалось. Виновата, наверное, была дверь между ними. Стекло запотело от ее дыхания.

– Хорошо, – сказала она. – Обещаю.

Когда свет на лестнице опять загорелся, овал за стеклом вздрогнул и отпрянул назад. Мсье Эгаре на секунду приложил руку к тому месту, где только что было ее лицо.

А если ей понадобится еще что-нибудь, комод или картофелечистка, я просто куплю и скажу, что это из моих запасов.

Он вернулся в свою пустую квартиру, опустил задвижку. Дверь за книжными стенами все еще была открыта. И чем дольше мсье Эгаре смотрел внутрь комнаты, тем навязчивее становилось ощущение, что там прямо из пола встает, как мираж, лето 1992 года. Кот в белых бархатных носочках спрыгнул с дивана и потянулся. Луч солнца скользнул по голой спине, спина повернулась и превратилась в ***. Она улыбнулась мсье Эгаре, встала и голая, с книгой в руке, пошла к нему.

– Ну что, ты наконец созрел? – спросила ***.

Мсье Эгаре захлопнул дверь.

Нет.

– Нет, – сказал мсье Эгаре и на следующее утро. – Эту книгу я не хотел бы вам продавать.

Он мягко взял «Ночь» из рук покупательницы. Из всего множества романов его «книжного ковчега» под названием «Литературная аптека» она выбрала именно злополучный бестселлер Максимилиана (он же Макс) Жордана. Этого любителя наушников с четвертого этажа дома № 27 на рю Монтаньяр.

Покупательница изумленно уставилась на него:

– Это почему же?

– Макс Жордан вам не подходит.

– Макс Жордан мне не подходит?..

– Да. Это не ваш тип.

– Так-так... Не мой тип, говорите? Вы уж извините, но я должна вам напомнить, что ищу на вашем «книжном ковчеге» не супруга, а книгу, *mon cher Monsieur!*[2 - Дорогой мсье (фр.).]

– Нет уж, позвольте: то, что вы читаете, в конечном счете гораздо важнее, чем то, за что вы выйдете замуж, *ma chère Madame!*[3 - Дорогая мадам (фр.).].

Она посмотрела на него, прищутив глаза:

– Значит, так: вы даете мне эту книгу, получаете свои деньги, и будем считать, что сегодня чудесный день!

– Он и так чудесный. Завтра, вероятно, начнется настоящее лето. А книгу эту вы не получите. Во всяком случае, из моих рук. Вы позволите предложить вашему вниманию что-нибудь другое?

– Чтобы в конце концов всучить мне какого-нибудь дряхлого классика, которого вы просто боитесь выбросить за борт, потому что он, чего доброго, отравит там всю речную фауну? – произнесла она, постепенно повышая голос.

– Книги – это не яйца. Они не могут протухнуть от возраста. – Мсье Эгаре тоже взял на тон выше. – Возраст – это не болезнь. Все стареют, в том числе и книги. Но разве вы (или кто-нибудь другой), теряете значимость только оттого, что на пару лет дольше живете на этом свете?

– Да это просто смешно – разводить глубокую философию на мелком месте только для того, чтобы не продать мне эту дурацкую «Ночь»!

Покупательница, вернее, бывшая покупательница, бросила кошелек в свою элегантную сумку, яростно рванула молнию, но ту заело.

Эгаре почувствовал, как в нем вздымается какая-то темная волна – какая-то бешеная злость; он успел осознать, что она не имеет никакого отношения к этой женщине, но был уже не в силах совладать с собой. Он пошел вслед за ней, возмущенно шагающей сквозь сумрачное чрево «книжного ковчега» между длинными шеренгами стеллажей.

– У вас есть выбор, мадам! – крикнул он ей вслед. – Вы можете наплевать на меня и уйти. А можете прямо сейчас, с этой минуты, навсегда избавиться от ненужных мук!

– Спасибо. Именно это я и делаю.

– Вам нужно лишь довериться спасительной власти книг, отказавшись от бесполезных отношений с мужчинами, которые в той или иной форме оскорбляют вас своим равнодушием, и от идиотизма бесконечных диет и прочих ухищрений, к которым вы прибегаете, потому что один, видите ли, считает вас недостаточно стройной, а другой – недостаточно глупой!

– Послушайте, что вы себе позволяете?..

– Книги убергут вас от глупости. От ложных надежд. От бесполезных и вредных связей. Они облекут вас в броню любви, силы, знания. Это жизнь изнутри. Выбирайте – книга или...

Прежде чем он успел закончить фразу, в окне показался речной трамвай. На палубе стояла группа китайцев под зонтами. Увидев знаменитую плавучую

«Литературную аптеку», они дружно защелкали затворами фотокамер. От борта судна к берегу потянулись буро-зеленые водяные барханы.

Палуба «книжного ковчега» дрогнула.

Покупательница закачалась на своих стильных высоких каблуках.

Но Эгаре вместо руки протянул ей «Элегантность ежика».

Она машинально ухватилась за книгу, чтобы не потерять равновесие.

Эгаре, не выпуская из руки роман, продолжал, уже тише, примирительно и даже ласково:

– Вам нужна своя комната. Не слишком светлая, с маленьким котенком, который скрасит ваше одиночество. И эта книга, которую я советую вам читать медленно. Чтобы время от времени иметь возможность передохнуть. Вы будете много думать и, может быть, даже плакать. О себе. О своих ушедших годах. Зато потом вам станет легче. Вы поймете, что вам совсем не нужно умирать только потому, что какой-то тип обошелся с вами по-свински. И вы опять полюбите себя и уже не будете казаться себе уродливой и наивной.

Только после этих слов он отпустил книгу.

Покупательница смотрела на него широко раскрытыми глазами. И по застывшему в них ужасу он понял, что попал в точку. В яблочко.

Она разжала пальцы, книга упала на пол.

– Да вы просто сумасшедший!.. – полушепотом произнесла она, резко повернулась и пошла, стуча каблучками, сквозь чрево «книжного ковчега» к набережной.

Мсье Эгаре поднял с пола «Ежика». Обложка книги получила при падении серьезную травму. Придется отдать творение Мюриель Барбери за пару евро кому-нибудь из букинистов, работающих на набережной, для погребения на книжных развалах.

Он проводил взглядом покупательницу. Та пробивалась сквозь толпу фланеров. Плечи ее дрожали.

Она плакала. Плакала как человек, который хотя и понимает, что не умрет от этой маленькой драмы, но все же остро чувствует причиненную ему обиду, болезненно ощущает всю несправедливость того, что это случилось именно с ним, именно сейчас. Ей ведь и без того уже нанесли рану, глубокую, кровоточащую. Неужели этого мало? Неужели обязательно еще и натравливать на нее какого-то злобного книготорговца?

Мсье Эгаре вполне допускал, что она дает ему, безмозглому бумажному тигру, кичащемуся своей дурацкой «Литературной аптекой», все двенадцать баллов по своей собственной десятибалльной оценочной шкале идиотизма.

Он мысленно соглашался с этой оценкой. Эта внезапная потеря самообладания, это слепое, тупое упрямство явно были как-то связаны с прошедшей ночью и с лавандовой комнатой. Потому что обычно он не позволял себе ничего подобного.

Прежде его не могли выбить из равновесия никакие причуды, капризы или выходки покупателей. Всех клиентов он делил на три категории. Первая – это те, для кого книги – единственный глоток кислорода в безвоздушном пространстве серых будней. Его любимые клиенты. Они доверяли его советам и рекомендациям. Или поверяли ему свои слабости и комплексы («Только, пожалуйста, никаких романов, в которых встречаются горы, или высотные лифты, или панорамы, открывающиеся со смотровых площадок! У меня акрофобия[4 - Боязнь высоты.]»). Иногда они напевали, вернее, чаще «обозначали» в разговоре с мсье Эгаре какие-нибудь детские песенки («ля-ля-ля, пам-пам-пам» – ну, вы наверняка знаете это?) в надежде, что великий книготорговец вспомнит за них заветные пассажи и даст им книгу, в которой эти мелодии детства играют некую важную для них роль. Чаще всего он действительно помнил то, что им было нужно. В свое время он и сам много пел.

Представители второй категории являлись на его «Лулу», «книжный ковчег» у пристани близ Елисейских Полей, только потому, что их привлекало название устроенной на борту «Pharmacie litteraire»[5 - «Литературная аптека» (фр.)].

Чтобы купить несколько оригинальных почтовых открыток («Чтение вредит предрассудкам», «Кто читает, тот не лжет. Во всяком случае, пока читает»),

миниатюрную книжечку в коричневом медицинском флаконе или просто сделать несколько фотоснимков.

Но эти люди были ангелами в сравнении с третьей категорией клиентов, которые считали себя королями, хотя манеры их были отнюдь не королевскими. Они, не здороваясь и даже не глядя на хозяина, раздраженно вопрошали его, лапая книги своими жирными пальцами, которыми только что ели картофель фри:

– А что, у вас нет пластыря со стихами?.. А туалетной бумаги с детективами? А почему бы вам не включить в ассортимент надувные дорожные подушки? Для книжной аптеки это было бы вполне логично.

Мать Эгаре, Лирабель Бернье (после развода Лирабель Эгаре), убедила его начать торговать «французской водкой» для втираний и антитромбозными чулками. Мол, у женщин после определенного возраста от длительного чтения в кресле отекают ноги.

Бывали дни, когда чулки продавались лучше беллетристики.

Он вздохнул.

И что этой дамочке с обнаженными нервами так приспичило читать «Ночь»?

Допустим, особого вреда от этого не было бы.

Во всяком случае, это было бы несмертельно.

Газета «Монд» превозносила роман Макса Жордана как «новый голос разгневанной молодежи». Женские журналы дышали тоской по «юноше с алчущим сердцем» и печатали фото автора, все более превосходящие по формату его изображение на обложке романа. Макс Жордан всегда выглядел на этих фото немного удивленным.

«И обиженным», – подумал Эгаре.

Дебютный роман Жордана кишел мужчинами, которые из страха потерять себя не могли противопоставить любви ничего, кроме ненависти и циничного равнодушия. Один из критиков торжественно провозгласил «Ночь» «манифестом нового маскулизма».

Эгаре был менее патетичен в своей оценке романа. По его мнению, это была отчаянная попытка анализа внутренней жизни молодого человека, который впервые влюбился. И не понимает, как он, будучи отключен от системы самоконтроля, может входить в состояние любви и точно так же, без какого бы то ни было участия с его стороны, из этого состояния выходить. Какие психологические перегрузки он испытывает оттого, что не сам решает, кого ему любить, кем быть любимым, где все начинается и кончается и что делать с жуткой непостижимостью и непредсказуемостью того, что находится между началом и концом этого процесса.

Любовь, грозная повелительница мужчин... Неудивительно, что главный инстинкт мужчины перед лицом этой тиранки – бегство. Миллионы женщин читали роман Жордана, чтобы понять, почему мужчины так жестоки с ними. Почему они внезапно врзают в дверь новый замок, прибегают к эсэмэс, чтобы сообщить о своем уходе, спят с их лучшей подругой. И все только для того, чтобы перехитрить эту «повелительницу»: ну что, мол, съела? Со мной этот номер не пройдет! Поищи дураков!

Но неужели женщины находят в этом какое-то утешение?

«Ночь» была переведена на двадцать девять языков. Ее напечатали даже в Бельгии, как сообщила консьержка Розалетт, а что касается бельгийцев – истинный француз, в конце концов, имеет право на здоровые предрассудки.

Макс Жордан поселился в доме № 27 на рю Монтаньяр полтора месяца назад. Напротив Гольденбергов, на четвертом этаже. Ни одной из поклонниц, терроризовавших его амурными письмами, телефонными звонками и генеральными исповедаями, пока еще не удалось обнаружить его новое убежище. Они даже координировали свои действия на «ночном» викифоруме. Делились соображениями по поводу его подружек (отсутствие информации о таких породило большой вопрос: уж не девственник ли Жордан?..), его эксцентрических привычек и увлечений (наушники) и возможных мест его проживания (Париж, Антиб, Лондон).

Ночеманки уже не раз наведывались и в «Литературную аптеку». Они были в наушниках и чуть ли не на коленях умоляли мсье Эгаре организовать какие-нибудь чтения с участием их идола. Когда Эгаре озвучил своему соседу их предложение, этот двадцатидвухлетний мальчишка побелел как полотно. «Сценическая лихорадка», – подумал Эгаре.

Для него Жордан был просто юношей, который не знал, куда скрыться от чрезмерного внимания. Ребенком, которого, не спросив его согласия, произвели в литераторы. А для многих он, без сомнения, был еще и предателем мужских интересов на поле чувственной брани. В Интернете существовали и «антиночные» форумы ненависти, на которых анонимные комментаторы разбирали роман Жордана по косточкам, глумились над ним и сулили автору ту же участь, что постигла его главного героя: когда тот понял, что никогда не сможет контролировать чувство любви, он бросился с корсиканской скалы в море.

Самое привлекательное в романе сыграло для автора роковую роль: он показал катакомбы внутренней жизни мужчин, причем с невиданной доселе откровенностью. Он растоптал все привычные литературные идеалы и образы мужчин. Всех этих «цельных типов», «мужчин без эмоций», «инфантильных стариков» или «одиноких волков». «Мужчина – тоже человек» – гласило название статьи в одном феминистском журнале, авторитетно резюмировавшей полемику по поводу дебютного романа Жордана.

Эгаре импонировала смелость Жордана. С другой стороны, его роман напоминал ему гаспачо, который так и норовит убежать из кастрюли. А его создатель был таким же трепетным и при этом начисто лишен какого бы то ни было защитного панциря. И если принять Эгаре за негатив, Жордан был позитивом.

Эгаре тщетно пытался представить себе, как это возможно при такой остроте восприятия все еще оставаться в живых.

Следующим покупателем был англичанин.

– Я тут недавно видел одну книгу в зелено-белой обложке. Она уже переведена? – спросил он.

Эгаре выяснил, что речь идет о романе, который уже семнадцать лет принадлежал к классике, и продал англичанину вместо требуемой книги томик стихов. После этого он помогал курьеру таскать на борт коробки с заказанными книгами, а потом отбирал вместе с вечно загнанной, как почтовая лошадь, учительницей младших классов из школы, расположенной на другом берегу Сены, детские книжки для ее подопечных.

Потом вытирал нос семилетней девочке, которым та уткнулась в «Темные начала»[6 - Фантастическая трилогия английского писателя Филипа Пулмана (р. 1946).], и продал ее бледной от усталости матери в кредит тридцатитомную энциклопедию.

– Вы посмотрите на этого ребенка, – сказала мать. – Вбила себе в голову прочесть все тридцать томов до своего совершеннолетия! Я говорю, хорошо, будет тебе эта инце... энцикал... ну, короче, эта хреновина. Но уже никаких подарков на день рождения. И на Рождество.

Эгаре приветливо кивнул девочке. Та с серьезным выражением лица кивнула ему в ответ.

– Ну разве это нормально? – озабоченно продолжала мать. – В таком возрасте!

– По-моему, это смелое, мудрое и правильное решение.

– А если от нее потом будут бегать все мужики, потому что она слишком умная?

– Глупые точно будут бегать, мадам. Но зачем они ей? Глупый мужчина – это катастрофа для женщины.

Мать оторвала взгляд от своих красных натруженных рук и изумленно посмотрела на него.

– Почему мне никто этого не сказал раньше? – произнесла она с грустной улыбкой.

- Знаете что? - ответил Эгаре. - Выберите какую-нибудь книгу, которую вы хотели бы подарить дочери на день рождения. В нашей «аптеке» сегодня день скидок. Покупаешь энциклопедию - получаешь роман в подарок.

- Да нас ждет на набережной бабушка.

Она бездумно приняла его маленькую донкихотскую ложку за чистую монету.

- Моя мать рвется в дом престарелых, - продолжала она, тяжело вздохнув. - Мол, хватит мне с ней возиться. А я не могу. А вы смогли бы?

- Вы выбирайте спокойно, а я пока проведу вашу бабушку, хорошо?

Женщина кивнула с благодарной улыбкой.

Эгаре отнес бабушке на набережную стакан воды.

Ступить на сходни она не рискнула.

Эгаре было хорошо знакомо недоверие стариков к «морской специфике» его заведения, он не раз консультировал клиентов преклонного возраста на этой скамейке, где теперь сидела бабушка. Чем ближе финал, тем больше ценят старики остатки отпущенного им времени. И тем тщательнее избегают каких бы то ни было опасностей. Поэтому они не любят уезжать далеко от дому, просят, чтобы спилили старые деревья во дворе, которые могут рухнуть на крышу, и отказываются ходить по сходням из пятимиллиметровой стали, соединяющим плавучий магазин с набережной.

Эгаре принес бабушке еще и книжный каталог. Та с готовностью приняла его, чтобы использовать в качестве веера, и похлопала ладонью по скамейке рядом с собой, приглашая Эгаре сесть.

Старушка чем-то напомнила ему его мать Лирабель. Возможно, взглядом, зорким и умным. Он сел. Сена слепила глаза своим блеском, небо вздымалось над городом голубым, по-летнему ярким куполом. С площади Согласия доносились шелест шин и тьяканье клаксонов, - казалось, тишины никогда не было и не будет. После четырнадцатого июля[7 - День взятия Бастилии, национальный

праздник.], когда начнутся летние каникулы и парижане временно оккупируют морское побережье и горы, в городе станет чуть свободней. Но даже в эти дни Париж будет таким же шумным и ненасытным.

- Вы тоже так иногда делаете? - спросила вдруг бабушка. - Перебираете старые фотографии и смотрите, не видно ли по лицам умерших, что они чувствуют близость смерти?

Мсье Эгаре отрицательно покачал головой:

- Нет.

Старушка открыла дрожащими пальцами, покрытыми старческими пигментными пятнами, висевший на шее медальон:

- Это мой муж. За две недели до смерти. Представьте себе: чик - и ты уже молодая вдова, и у тебя вдруг пустая комната...

Она провела пальцем по крохотному портрету супруга, ласково щелкнула его ногтем по носу:

- Как спокойно он смотрит! Как будто все его планы обязательно должны осуществиться. Вот так смотришь в объектив и думаешь, что жизнь никогда не кончится. И вдруг... бонжур, вечность!

Она замолчала.

- Я, во всяком случае, больше не фотографируюсь, - сказала она после паузы и подставила лицо солнцу. - А у вас есть книги о смерти?

- Есть. И даже много. О старости, о неизлечимых болезнях, о медленной смерти, о быстрой смерти, об одинокой смерти, где-нибудь на полу больничной палаты...

- Я иногда думаю: почему больше не пишут книг про жизнь? Умереть может каждый, а вот жить...

– Вы правы, мадам. О жизни можно было бы рассказать очень много. О жизни с книгами, о жизни с детьми, о жизни для начинающих.

– Так напишите.

Как будто я главный консультант в этой области.

– Я бы лучше написал энциклопедию тривиальных чувств. От «а» (какая-нибудь «аллергия на путешествующих автостопом») до «я» («ярость, вызываемая комплексами по поводу пальцев ног, якобы могущих убить любовь»).

«Зачем я говорю это совершенно чужому человеку?» – подумал Эгаре.

Не надо было открывать комнату!

Бабушка потрепала его по колену. Он вздрогнул. Прикосновения были ему противопоказаны.

– Энциклопедия чувств... – повторила она с улыбкой. – Да, про пальцы ног – это мне знакомо. Энциклопедия тривиальных чувств... Вы знаете этого немца? Эриха Кестнера?

Эгаре кивнул. В 1936 году, незадолго до того, как Европа погрузилась в черно-коричневый мрак, Кестнер поделился с читателями своими запасами поэтических медикаментов, опубликовав «Лирическую домашнюю аптечку доктора Кестнера». «Эта книга посвящена лечению и профилактике личной жизни, – написал он в предисловии. – В гомеопатических дозах она поможет пациентам преодолеть мелкие и серьезные трудности бытия. Область применения – среднестатистическая внутренняя жизнь».

– Кестнер как раз и есть главная причина, по которой я назвал свой плавучий магазин «Литературной аптекой», – сказал Эгаре. – Я хотел лечить чувства, которые не считаются заболеванием. Все эти маленькие эмоции и ощущения, которые не интересуют терапевтов, потому что они якобы не поддаются диагностике и несущественны. Например, чувство, что еще одно лето подходит к концу. Или ощущение, что осталось слишком мало времени, чтобы найти свое место в жизни. Или горечь от осознания того, что еще одна связь рвется, так и

не пустив корней, и нужно заново начинать поиски спутника жизни. Или тоска, которую испытываешь утром в день рождения. Ностальгическая грусть по далекому детству. Ну и так далее.

Он вдруг вспомнил, как мать однажды рассказала ему о недуге, против которого никак не могла найти лекарств.

– Есть женщины, которые смотрят только на твои туфли и никогда не смотрят в лицо. А есть такие, которые, наоборот, смотрят только в лицо и почти не обращают внимания на туфли.

Вторые были ей милее. А с первыми она чувствовала себя униженной и недооцененной.

И вот для того, чтобы облегчить именно такие, необъяснимые, но вполне реальные страдания, он и купил самоходную баржу, которая тогда называлась «Лулу», собственноручно переоборудовал ее под магазин и наполнил книгами, представляющими собой единственное лекарство от множества неопределенных душевных заболеваний.

– В самом деле – напишите! Энциклопедию чувств для литературных фармацевтов. – Бабушка выпрямилась, заметно оживилась и даже разволновалась. – Включите в нее еще «доверие к чужим людям», на «д». Странное чувство, которое испытываешь в поездах, когда перед совершенно незнакомым попутчиком легче раскрыть душу, чем перед своими близкими. А еще «утешение во внуках», на «у». Это приятное сознание того, что жизнь продолжается...

Она замолчала. На лице ее застыло мечтательное выражение.

– Комплексы по поводу пальцев ног... Я тоже страдала этим комплексом. А оказалось... оказалось, что они ему нравились, мои ноги...

«Это неправда, что продавцов книг интересуют книги, – подумал Эгаре, когда бабушка, мама и дочка ушли. – Их интересуют люди».

В полдень, когда поток покупателей иссяк – обед для французов дороже государства, религии и денег, вместе взятых, – Эгаре тщательно вымел жесткой щеткой сходню, разворошив при этом паучье гнездо. Тут он заметил Кафку и Линдгрена, шествовавших по набережной в его сторону. Эту парочку, навещавшую его каждый день, он прозвал так за их специфические пристрастия: серый кот с белой пасторской планкой имел сладострастную привычку точить когти об «Исследования одной собаки» Франца Кафки, басню, в которой мир людей читатель видит глазами собаки. А рыже-белая красавица Линдгрена с длинными ушами и приветливым взглядом любила валяться среди книг про Пеппи Длинныйчулок, внимательно изучая из своего укрытия каждого покупателя. Иногда Кафка и Линдгрена доставляли Эгаре удовольствие, без предупреждения спрыгивая с верхних полок на кого-нибудь из клиентов третьей категории, этих противных типов с жирными пальцами.

Привычно дождавшись момента, когда можно было беспрепятственно пройти по сходням на борт, не рискуя попасть кому-нибудь под ноги, хвостатые библиофилы принялись с громким мурлыканьем ласково тереться о его икры.

Мсье Эгаре не шевелился. Только в эти короткие мгновения он позволял себе приоткрыть непроницаемую броню и наслаждался живым теплом кошек. Их мягкостью. На несколько секунд он полностью отдавался этой сладкой неге.

Эти почти ласки были единственными прикосновениями в жизни мсье Эгаре.

Единственными, которые он себе позволял.

Краткий сеанс блаженства был прерван леденящим душу приступом кашля, разразившимся за стеллажом, на котором Эгаре разместил «лекарства» от пяти главных напастей большого города – суеты, равнодушия, жары, шума и водителей автобусов с садистскими наклонностями.

Кошки шмыгнули прочь и устремились сквозь сумрак книжных джунглей на камбуз, где Эгаре уже поставил для них на пол банку с тунцом.

– Мсье? – громко произнес Эгаре. – Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Я ничего не ищу, – прохрипел Макс Жордан.

Автор пресловутого бестселлера, неразлучный со своими наушниками, нерешительно вышел из-за стеллажа. В каждой руке он держал по дыне.

– И давно вы тут стоите втроем? – с шутливой строгостью спросил Эгаре.

Жордан кивнул, лицо его медленно залила краска смущения.

– Я пришел, когда вы отказались продавать даме мою книгу, – унылым голосом ответил Жордан.

Ай-яй-яй, как не вовремя!

– Вы действительно считаете ее такой ужасной?

– Нет, – в ту же секунду ответил Эгаре.

Малейшее промедление Жордан истолковал бы как «да». А Эгаре совсем не хотелось причинять бедолаге такую боль. Тем более что он и в самом деле ничего не имел против этой книги.

– Почему же вы сказали, что я ей не подхожу?

– Мсье... э-э-э...

– Называйте меня просто Максом.

Чтобы этот мальчишка тоже начал обращаться ко мне по имени? Нет уж, увольте.

Последним, кто называл его по имени – своим теплым, шоколадным голосом, – была ***.

– С вашего позволения, я все же предпочел бы «мсье Жордан». Вы не возражаете, мсье Жордан? Да, так вот, дело в том, что я торгую книгами как лекарствами. Одни книги полезны для миллиона читателей, другие – для сотни. А есть такие лекарства – пардон, книги, которые написаны для одного-единственного читателя.

– О боже! Для одного? Для одного-единственного?.. Несколько лет работы?

– Конечно! Если это может спасти целую жизнь! Но этой даме «Ночь» сейчас не нужна. Она бы нанесла ей вред. Слишком опасные побочные действия.

Жордан задумался, глядя на тысячи книг, наполнявших чрево бывшей баржи, громоздившихся на полках, креслах, столах.

– Но откуда вы знаете, какая у человека проблема и какие могут возникнуть побочные действия?

М-да. Как объяснить этому Жордану, что он и сам точно не знает, как это делает?

Эгаре активно использовал уши, глаза и инстинкт. Он был способен за несколько минут разговора распознать в душе человека все, что того беспокоит. Прочитать в жестах, в движениях, в позе, какие чувства сковывают его или угнетают. Наконец, он обладал способностью, которую его отец называл «рентгеноскопическим слухом».

– Ты видишь и слышишь как бы сквозь камуфляж, которым большинство людей пользуются для маскировки. Ты же за этой маскировочной ширмой видишь все, что их беспокоит, чего им недостает и о чем они мечтают.

У каждого человека есть свои таланты, и его талантом был как раз этот «рентгеноскопический слух».

Один из его постоянных клиентов, терапевт Эрик Лансон, лечивший неподалеку от Елисейского дворца[8 - Парижская резиденция президента Франции.] правительственных чиновников, однажды признался Эгаре, что завидует его «психометрической способности определять параметры души точнее, чем это

делает терапевт со своим замылившимся за тридцать лет работы слухом».

Каждую пятницу после обеда Лансон приходил в «Литературную аптеку». Он питал страсть к фэнтези со всякими драконами и волшебными мечами и пытался развеселить Эгаре психоанализом тех или иных персонажей.

Лансон посылал к мсье Эгаре и своих пациентов, политиков и их эксцентричных клерков. С «рецептами», в которых невроты были зашифрованы посредством беллетристических кодов: «кафкоидный с примесью Пинчона», «Шерлок сверхиррациональный», «редчайший синдром Поттера под лестницей».

Для Эгаре это каждый раз было серьезным испытанием его профессионализма – нелегко приобщить к книгам людей (чаще всего мужчин), живущих в мире алчности, злоупотребления властью и тупого канцелярского сизифова труда. Но как отрадно было видеть, как кто-нибудь из этих затравленных биороботов бросал свою опостылевшую работу, отнявшую у него последние крохи индивидуальности! Часто одной из причин освобождения становилась книга.

– Видите ли, Жордан, – решил Эгаре зайти с другого конца, – книга – это одновременно и лекарство, и лекарство. Она ставит диагноз и оказывает терапевтическое действие. Правильный выбор романа для того или иного недуга – это и есть смысл моей книготорговой деятельности.

– Понятно. А мой роман был стоматологом, в то время как этой даме был нужен гинеколог.

– Э-э-э... нет.

– Нет?

– Книги, разумеется, не только врачи. Есть романы, которые играют роль верного спутника. А другие – роль пощечины. Третьи – роль подруги, которая накидывает вам на плечи теплый плед, когда на вас наваливается осенняя тоска. А некоторые... Некоторые – как розовая сахарная вата: пощекочут несколько секунд ваш мозг и оставляют в нем приятное ощущение пустоты. Словно мимолетное острое любовное приключение.

– Значит, «Ночь» – это что-то вроде литературного one-night-stand?[9 - Роман на одну ночь (англ.)] Этакая милая потаскушка?

Проклятье! С писателями ни в коем случае нельзя говорить о других книгах. Старое правило книготорговцев.

– Нет. Книги – как люди, люди – как книги. Я объясню вам, как я это делаю. Я спрашиваю себя: является ли он или она главным или второстепенным персонажем в собственной жизни? Что ею движет? Не собирается ли она вычеркнуть себя из собственной истории, потому что муж, профессия, дети, работа отняли у нее весь ее текст?

Макс Жордан смотрел на него с возрастающим удивлением.

– У меня в голове приблизительно тридцать тысяч историй. Это не так уж много – при одном миллионе наименований книг в одной только Франции. Восемь тысяч самых полезных произведений у меня собраны здесь, это своего рода аварийная аптечка для экстренных случаев. Но я составляю и курсы лечения. Смешиваю, так сказать, ингредиенты из букв – получается этакая поваренная книга с занимательными рецептами для воскресного семейного чтения. Роман, главная героиня которого похожа на читательницу, лирика, вызывающая слезы, которые могут отравить пациента, если он будет глотать их молча. Я слушаю своих покупателей нутром. – Он показал на солнечное сплетение. – А еще вот этим местом. – Он потер затылок. – И вот этим. – Он коснулся пальцем нежной впадинки между носом и верхней губой. – Если это место чешется, значит...

– Послушайте, но нельзя же...

– Еще как можно!

У него это получалось с 99,99 процента собеседников.

Попадались, правда, и такие, которых Эгаре не мог сканировать своим рентгеноскопическим слухом.

Например, себя самого.

Но об этом мсье Жордану пока знать необязательно.

В то время как Эгаре читал Жордану эту лекцию, где-то на периферии сознания, параллельно мыслительному процессу и независимо от его воли, у него родилась опасная мысль:

Я всегда хотел иметь сына. С ***. С ней я хотел бы иметь ВСЁ.

Эгаре вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха.

С тех пор как он открыл запретную комнату, что-то где-то сместилось. Его стеклянный панцирь треснул, прочерченный множеством мелких тонких трещинок, и, если он немедленно не возьмет себя в руки, панцирь разлетится вдребезги.

– У вас такой вид, как будто вам... не хватает кислорода, – услышал Эгаре голос Жордана. – Я совсем не хотел вас обидеть, мне просто хотелось узнать, что делают люди, когда вы им говорите: «Это я вам не продам. Это вам не подходит».

– Что делают? Уходят. А что делаете вы? Как поживает ваша следующая книга, мсье Жордан?

Юный писатель опустился вместе со своими дынями в кресло, окруженное грудями книг.

– Никак. Ни строчки.

– Что вы говорите! А когда сдавать?

– Полгода назад.

– Ого. А что по этому поводу говорит издатель?

– Мой издатель даже не знает, где я. Никто этого не знает. И не должен узнать. Я просто больше не могу. Я больше не могу писать.

– М-да...

Жордан положил голову на дыни.

– А что делаете вы, когда вам совсем худо, мсье Эгаре? – спросил он слабым голосом.

– Я? Ничего.

Почти ничего.

Я до изнеможения брожу ночами по Парижу. Днем надраиваю машинное отделение «Лулу», чищу мотор, мою борта, окна, держу все на судне вплоть до последнего винтика в полной готовности к отплытию, хотя оно уже двадцать лет стоит на приколе.

Я читаю книги, двадцать штук одновременно. Всюду – в сортире, на кухне, в бистро, в метро. Складываю огромные, размером с комнату, пазлы, а закончив, тут же разбираю их и начинаю складывать заново. Кормлю бездомных кошек. Расставляю и раскладываю в алфавитном порядке продукты. Иногда я принимаю снотворное, чтобы уснуть, а иногда Рильке – чтобы взбодриться. Я не читаю книг, в которых встречаются женщины, похожие на ***. Я каменею. Я иду дальше, продолжаю свои привычные занятия. День за днем. Только так мне удастся выжить. Что я делаю еще? Нет, больше я ничего не делаю.

Эгаре взял себя в руки. Этот мальчик попросил о помощи. Он вовсе не хотел знать, как жилось Эгаре. Так что за дело!

Он достал из маленького заветного сейфа за прилавком свое сокровище.

«Южные огни» Санари.

Единственную книгу, написанную Санари. Во всяком случае, под этим псевдонимом. «Санари» – в честь Санари-сюр-Мер, бывшего пристанища беглых писателей и писательниц на провансальском южном побережье[10 - После прихода к власти в Германии национал-социалистов в 1933 г. этот французский городок стал одним из важнейших центров немецкой антифашистской

эмиграции, ее «культурной столицей». Здесь жили и работали многие известные немецкие писатели: Бертольт Брехт, Лион Фейхтвангер, Томас Манн, Генрих Манн, Стефан Цвейг и др.], – был закрытый псевдоним.

Его (или ее?) издатель Дюпре сидел в доме престарелых под Парижем, с Альцгеймером и в перманентном состоянии безмятежного счастья. Эгаре дважды навещал его, и тот рассказал ему с две дюжины различных историй о том, кто такой Санари и как к нему попала его рукопись.

Поэтому мсье Эгаре продолжал свои исследования, связанные с данным литературным феноменом.

Он уже двадцать лет анализировал темп его речи, подбор лексики и ритм предложений, сравнивал стиль и сюжет со стилистикой и сюжетными ходами других авторов. В итоге у него набралось двенадцать имен, гипотетически могущих быть разгадкой псевдонима Санари: семь женщин и пятеро мужчин.

Он рад был бы выразить свою благодарность одному из них.

Потому что «Южные огни» Санари были единственной книгой, которая глубоко трогала его, не причиняя боли. Чтение «Южных огней» было гомеопатической дозой счастья. Это была единственная разновидность нежности, которая благотворно действовала на его незаживающую рану, прохладный ручей на выжженной земле его души.

Это был не роман в классическом смысле слова, а небольшая история о разных видах любви. С чарующими, отчасти выдуманнами словами и проникнутая огромным жизнелюбием. Щемящая грусть, с которой в ней рассказывалось о неспособности реально проживать каждый день, воспринимать его как нечто уникальное, неповторимое и драгоценное – о, эта тоска была знакома ему до боли!

Он протянул Жордану свой последний экземпляр этой книги:

– Почитайте вот это. По три страницы каждое утро, лежа, до завтрака. Пусть это будет первое, что проникнет в вашу душу. Через пару недель вы перестанете чувствовать себя таким израненным. И избавитесь от ощущения, что ваш творческий кризис – это расплата за успех.

Макс с ужасом смотрел на него из-за своих дынь. Потом его прорвало:

- Откуда вы знаете? Я действительно ненавижу деньги и эту проклятую изнуряющую лихорадку успеха! Я жалею, что вляпался во все это! Того, кто что-то может, не любят, а скорее ненавидят.

- Макс Жордан! Будь я вашим отцом, я бы вам сейчас так всыпал за эти глупые слова! Слава богу, что ваша книга состоялась. И вы честно заслужили свой успех - каждый потом и кровью добытый цент!

Жордан вдруг вспыхнул от смущения и горделивой радости.

Что? Как я сказал? «Будь я вашим отцом»?

Макс Жордан торжественно протянул Эгаре свои душистые дыни. Опасный запах. Слишком близкий к тому лету с ***.

- Может, пообедаем? - спросил юный прозаик.

Этот тип с наушниками действовал ему на нервы, но он уже давно ни с кем не обедал.

К тому же *** он бы понравился.

Едва они успели нарезать дыни, как на сходнях послышался элегантный стук каблучков.

И вот на пороге камбуза выросла утренняя покупательница. Та самая. У нее были заплаканные глаза, но ясный взгляд.

- Я согласна, - сказала она. - Давайте сюда эти книги, которые не будут мне хамить, и пошли они все в жопу, эти типы, которым на меня наплевать.

У Макса отвисла челюсть.

Эгаре закатал рукава белой рубашки, поправил узел черного галстука, надел очки для чтения, которыми стал пользоваться с недавних пор, и почтительным жестом пригласил клиентку проследовать с ним в святая святых своего литературного мира: в читальный зал со скамеечкой для ног и видом на Эйфелеву башню, открывающимся в огромном, два на четыре метра, окне. И конечно же, со столиком для дамских сумочек, пожертвованным матерью мсье Эгаре, мадам Лирабель. А рядом – старое пианино, ради которого Эгаре два раза в год вызывал настройщика, хотя сам играть не умел.

Эгаре задал клиентке (ее звали Анна) несколько вопросов.

Профессия, как обычно проходит утро, любимое животное в детстве, кошмары последних лет, последние прочитанные книги... И не говорила ли ей мать, что и как ей следует носить.

Вопросы достаточно интимного характера, но все же не слишком беспардонные. Главная задача состояла в том, чтобы, задав эти вопросы, самому сохранить гробовое молчание.

Умение слушать молча – залог успешного определения параметров души.

Анна работала в агентстве телерекламы.

– В одной команде с мерзкими типами, срок годности которых давно истек и для которых женщина – это нечто вроде гибрида кофеварки и койки.

Она каждое утро включала три будильника, чтобы вырвать себя из зверских объятий тяжелого, депрессивного сна. И принимала обжигающе горячий душ, чтобы как следует разогреться перед холодом наступающего дня.

Ребенком она питала особую слабость к толстым лори, маленьким, вызывающе неторопливым зверькам с постоянно мокрым носом.

Из одежды предпочитала красные кожаные шорты, приводившие ее мать в ужас.

Ей часто снилось, что она, в одной ночной рубашке, на глазах у мужчин, имевших для нее особое значение, погружается в зыбучий песок. И всем, всем им нужна была только ее рубашка. Ни один из них не помог ей выбраться из ямы.

– Ни один не захотел мне помочь, – повторила она с горечью, тихо, словно обращаясь к самой себе. – Ну как? – спросила она затем, посмотрев блестящими глазами на Эгаре. – Я очень глупая?

– Не очень, – ответил он.

Последней серьезной книгой, которую Анна читала – еще в студенческие годы, – была «Слепота» Жозе Сарамаго. Она привела ее в состояние полной растерянности и недоумения.

– Неудивительно, – сказал Эгаре. – Эта вещь не для тех, кто только начинает жить. Она для среднего возраста. Для тех, кто спрашивает себя: на что, собственно, ушла первая половина жизни, черт бы ее побрал? Кто уже научился отрывать взгляд от носков своих ботинок, которыми с таким усердием отмерял шаги, не заботясь о том, куда они его так бодро и весело ведут. Будучи слепым, хотя имел глаза. Басня Сарамаго нужна лишь зрячим слепцам. Вы, Анна, еще можете видеть.

Потом Анна больше не читала. Она работала. Слишком много, слишком долго. Она копила в себе усталость. До сегодняшнего дня ей ни разу не удалось привлечь на съемки рекламы моющих средств или детских памперсов ни одного мужчину.

– Реклама – это последний бастион стариков, – заявила она Эгаре и благоговейно слушавшему Жордану. – Она для них даже важнее, чем армия. Только в рекламе мир сохраняет еще некий порядок.

После всех этих признаний и заявлений она откинулась на спинку кресла.

«Ну что? – выражало ее лицо. – Меня еще можно вылечить? Не бойтесь сказать мне правду, какой бы жестокой она ни была».

Ее ответы ни в коей мере не влияли на выбор книг Эгаре. Они были нужны ему, чтобы лучше узнать ее речевые привычки, голос, его диапазон.

Эгаре собирал «трассирующие» слова, вспыхивавшие сигнальным пунктиром в потоке общих фраз. Они показывали, как эта женщина видела, чувствовала, обоняла и осязала жизнь. Что для нее было важно, что волновало ее и как ей жилось в последнее время. Что она хотела спрятать под толщей слов. Боль и тоску.

Мсье Эгаре выуживал эти слова из ее речи. Анна часто говорила: «Это не было запланировано», «Это не входило в мои расчеты». Она говорила о «бесчисленных» попытках и «кошмарах в квадрате». Она жила в математике, в ее культурной среде не было места иррациональности и каким бы то ни было оценкам. Она запрещала себе судить о вещах и явлениях, руководствуясь интуицией, и считать невозможное возможным.

Но это была лишь часть того, что Эгаре удавалось расслышать и запомнить, – то, что делает душу несчастливой.

Была еще одна часть. То, что делает душу счастливой. Мсье Эгаре знал, что свойства, характер вещей, которые человек любит, тоже определенным образом окрашивают его речь.

Мадам Бернар, владелица дома № 27, переносила свою страсть к тканям на дома и людей. «У него манеры – как неглаженная нейлоновая рубашка», – была одна из ее излюбленных фраз.

Пианистка Клара Виолет широко пользовалась музыкальными категориями: «Малышка Гольденберг играет в жизни своей матери всего лишь третью скрипку».

Бакалейщик Гольденберг видел мир через вкусовые ощущения, он мог назвать характер человека «протухшим», а повышение по службе – «перезрелым». Его «малышка Брижит», та самая «третья скрипка», любила море, как магнит притягивающее чувствительные натуры. Макс Жордан сравнил эту

четырнадцатилетнюю красавицу с «видом на море со скал Кассиса» – «такая же глубокая и далекая». «Третья скрипка», конечно же, была влюблена в писателя. Еще совсем недавно Брижит хотела быть мальчишкой. Теперь ей не терпелось стать женщиной.

Эгаре давно уже собирался принести Брижит книгу, которая стала бы для нее спасательным островом в море первой любви.

– А вам часто случается извиняться? – спросил Эгаре Анну.

Женщины всегда чувствуют себя более виноватыми, чем есть на самом деле.

– Вы имеете в виду: «Извините, я еще не договорила»? Или скорее: «Извини, что я в тебя влюблена и у тебя со мной будут одни неприятности»?

– И то и другое. Любой вид извинений. Вполне возможно, что вы привыкли чувствовать себя виноватой за то, чем вы являетесь и что собой представляете. Часто не мы придаем определенный смысл или особое звучание словам, а, наоборот, слова, которые мы постоянно используем, накладывают определенный отпечаток на нас.

– А вы странный продавец книг. Вы это знаете?

– Да, я это знаю, мадемуазель Анна.

По просьбе Эгаре Жордан стал дюжинами таскать книги из «Библиотеки чувств».

– Вот, моя дорогая. Романы от упрямства, руководства по перестройке мышления, стихи для укрепления чувства собственного достоинства.

Книги о мечтах, о смерти, о любви и о жизни, подчиненной творчеству. Он клал к ее ногам мистические баллады, старые суровые истории о безднах, падениях, опасностях и предательстве. Вскоре Анна уже сидела среди стопок книг, как женщина в обувном магазине среди хаотичного нагромождения картонных коробок.

Эгаре хотел, чтобы она почувствовала себя как в гнезде. Чтобы она осознала бесконечность открывающейся в книгах вселенной. Этот источник никогда не иссякнет. Книги никогда не перестанут любить читателя. Книги – незыблемая скала в зыбучих песках непредсказуемого. В жизни. В любви. После смерти.

А когда на колени к Анне взгромоздилась Линдгрэн и с мурлыканьем стала устраиваться поудобней, тщательно укладывая каждую лапку, эта измотанная работой, неудачно влюбленная, живущая с постоянным чувством вины сотрудница рекламного агентства блаженно откинулась на спинку кресла. Ее приподнятые плечи обмякли, судорожно сжатые кулаки разжались, черты лица разгладились.

Она читала.

Мсье Эгаре наблюдал, как то, что она читала, словно придавало ей изнутри четкий контур. Он видел, что Анна открыла в себе некий резонатор, реагирующий на слова. Она уподобилась скрипке, которая учится играть сама на себе.

В груди мсье Эгаре что-то больно защемило при виде этого маленького счастья Анны.

Неужели нет такой книги, которая и меня самого научила бы играть мелодию жизни?

7

Направив стопы на рю Монтаньяр, мсье Эгаре задался вопросом, как могла воспринимать эту тихую светлую улицу, затерянную посреди нервной сутолоки Маре[11 - Квартал Парижа на правом берегу Сены.], Катрин. «Катрин... – пробормотал он. – Кат-рин...»

Произносить ее имя было совсем легко.

Странно. Удивительно.

Может, дом № 27 был для нее постылой ссылкой? Может, она видела мир сквозь позорное клеймо, которое выжег в ее душе бывший муж, – через это «ты мне больше не нужна»?

В эти места редко забредал кто-нибудь, кто здесь не жил. Дома здесь были невысокие, не больше шести этажей, каждый фасад имел свой собственный приглушенный пастельный цвет.

На рю Монтаньяр обосновались парикмахерский салон, кондитерская, винный магазин и алжирская табачная лавка. Остальные дома занимали квартиры, маленькие частные клиники и офисы.

На перекрестке в виде маленькой площади с круговым движением возвышалось «Tu Breizh», бретонское бистро с красной маркизой, славившееся своими нежными ароматными галетами.

Мсье Эгаре положил перед официантом Тьерри электронную книгу, презентованную ему одним запыленным издательским агентом. Для такого заядлого читателя, как Тьерри, который норовил сунуть нос в книгу даже между двумя заказами и уже нажил себе искривление позвоночника под тяжестью вечно набитого книгами рюкзака, такая штука была изобретением века. А для книготорговца – лишний гвоздь в крышку его гроба.

Тьерри предложил Эгаре рюмку ламбига, бретонского кальвадоса, но тот отказался.

– В другой раз, – сказал он.

Он говорил это каждый раз. Эгаре не употреблял алкоголя. Больше не употреблял.

Потому что, когда он пил, он с каждым глотком все шире открывал ворота шлюза, на которые давил мощный, пенящийся поток мыслей и чувств. Ему было хорошо знакомо это состояние. Он тогда пробовал пить. Это было время разбитой мебели.

Но сегодня у него была особая причина отказаться от угощения Тьерри: ему не терпелось отнести мадам Катрин «книги, чтобы плакать».

Рядом с «Ту Breizh» над тротуаром нависла зелено-белая маркиза продуктовой лавки Жозюэ Гольденберга. Гольденберг, заметив Эгаре, преградил ему дорогу.

– Мсье Эгаре, скажите... – начал он смущенно.

О боже! Неужели он сейчас опять пристанет со своим порно?

– Я по поводу Брижит. По-моему, девочка становится... э-э-э... так сказать... женщиной. А это чревато определенными проблемами. Вы меня понимаете? У вас нет от этого какой-нибудь книги?

К счастью, на этот раз, видимо, обойдется без «мужского разговора» о порнолитературе. Сегодня Гольденберг выступает всего лишь в роли отца, приведенного в отчаяние половым созреванием дочери и измученного вопросом, как грамотно провести с ней разъяснительно-воспитательную беседу, пока она не попала в руки какому-нибудь «умельцу».

– А почему бы вам не сходить в школу и не поговорить с учителями?

– Ну, не знаю... Может, это все-таки лучше сделать моей жене, а?..

– А вы сходите вдвоем. Приемные часы – первая среда месяца, в двадцать часов. После этого вы могли бы где-нибудь поужинать вдвоем.

– Я?.. С женой? С какой стати?

– Она наверняка была бы рада.

Мсье Эгаре пошел дальше, не дожидаясь, пока Гольденберг подведет научную базу под свое нежелание следовать его совету.

Впрочем, он сделает это и без него.

Можно не сомневаться, что в ближайшую первую среду месяца в школе, как всегда, будут сидеть одни матери. Да и тех мало интересует проблема просвещения пубертирующего потомства. Большинству из них нужны скорее воспитательно-разъяснительные книги для мужчин, в которых бы представителям сильного пола объяснялось, где у женщин низ, а где верх.

Эгаре набрал код на входной двери дома и вошел в подъезд. Не успел он сделать и нескольких шагов, как из своей «ложи» консьержки выкатилась мадам Розалетт с мопсом под мышкой.

Придавленный мощным бюстом Розалетт, мопс всем своим видом выражал недовольство.

- Мсье Эгаре! Наконец-то вы пришли!

- О, у вас новый цвет волос, мадам? - ответил он, нажимая кнопку вызова лифта.

Она коснулась красной, натруженной на уборке рукой вавилонской башни на голове:

- Это «испанская роза». Чуть темнее, чем «дикая вишня». Но оттенок, по-моему, более элегантный. И как вы всегда все замечаете! Да, так вот, я должна вам кое в чем признаться.

Она возбужденно захлопала глазами. Мопс аккомпанировал ей ритмичным пыхтением.

- Если это тайна, мадам, я обещаю забыть ее в ту же минуту.

У Розалетт было особое пристрастие: она любила наблюдать привычки, невроты и интимные подробности жизни своих сограждан, оценивать их по собственной шкале порядочности и со знанием дела доводить добытую информацию до сведения других сограждан. С особым размахом.

- Ах, перестаньте! В общем-то, меня мало волнует, будет ли мадам Гулливер счастлива с этими молодыми мужчинами или нет. Нет-нет. Дело в том, что... понимаете, тут у меня... книжка...

Эгаре еще раз нажал кнопку вызова лифта.

- ...которую вы купили у другого книготорговца? Так и быть, прощаю вас, мадам Розалетт.

- Хуже! Выудила из корзины уцененных книжек на Монмартре, за пятьдесят сантимов! Но вы ведь сами говорили, что, если книжке больше двадцати лет, красная цена ей - пара сантимов. Да и то это будет чистая благотворительность - чтобы спасти ее от растопки камина.

- Правильно. Говорил.

Ну где же этот подлый лифт?

Розалетт подалась вперед, и ее кофейно-коньячное дыхание смешалось с дыханием мопса.

- Но лучше бы я этого не делала! Эта история с тараканом - жуть! Как мать гонялась с веником за своим собственным сыном. Фу, гадость! У меня после этого несколько дней была мания уборки. Он что, всегда так пишет, этот мсье Кафка?

- Вот видите, вы сразу все поняли, мадам. Другим для этого требуется десять лет учебы.

Мадам Розалетт улыбнулась, не совсем уверенная, что поняла смысл комплимента, но все же довольная.

- Ах да, лифт не работает. Опять застрял, где-то между Гольденбергами и мадам Гулливер.

Это означало, что лето начнется сегодня ночью. Оно каждый раз начиналось именно тогда, когда ломался лифт.

Эгаре стал подниматься по лестнице, выложенной бретонским, мексиканским и португальским кафелем, шагая через две ступеньки. Мадам Бернар, владелица дома, любила узоры. «По ним определяют характер дома, так же как по туфлям

определяют характер дамы», – говорила она.

С этой точки зрения любой квартирный вор, ступив на лестницу дома № 27 на рю Монтаньяр, немедленно должен был прийти к выводу, что попал в дом с большим приветом.

Эгаре дошел уже почти до второго этажа, когда в поле его зрения, на уровне лестничной площадки, попали энергично шагающие пантолеты кукурузного цвета с султанчиками из перьев.

На втором этаже, прямо над мадам Розалетт, квартировал слепой подиатр Че. Он часто сопровождал мадам Бомм, бывшую секретаршу одного знаменитого гадателя по картам (тоже второй этаж, напротив), за покупками в магазин еврейского коммерсанта Гольденберга (четвертый этаж) и нес ее сумку. Они медленно тащились по тротуару – слепой, ведущий под руку даму с ходунком на колесиках. Часто этот дуэт дополнял Кофи.

Уроженец Ганы Кофи (что на его родном языке означает «пятница») переехал в дом № 27 из какого-то предместья. Он был черным, как сажа, навешивал поверх своих хипхоповских футболок множество золотых цепочек, а в ухе носил креольское кольцо. Красивый юноша, «смесь Грейс Джонс[12 - Грейс Джонс (р. 1948) – американская певица, актриса и фотомодель родом с Ямайки.] и молодого ягуара», по определению мадам Бомм. Кофи обычно нес ее белую сумочку от Шанель, привлекая к себе подозрительные взгляды прохожих. Он исполнял обязанности управдома, а в свободное время изготавливал фигурки из необработанной кожи и разрисовывал их символами, смысла которых никто в доме не понимал.

Однако на сей раз путь Эгаре преградил не Че, не Кофи и не ходунок мадам Бомм.

– А, мсье Эгаре! Как хорошо, что я вас встретила! Вы знаете, ну просто невероятно интересная книга про этого Дориана Грея. Как мило с вашей стороны, что вы мне порекомендовали ее, когда у вас не оказалось «Страстного желания».

– Рад за вас, мадам Гулливер.

– Ах, я же вас уже сто раз просила называть меня просто Клодин. Или хотя бы мадемуазель. Не люблю этих церемоний. Да, так вот, я прочитала вашего Грея всего за два часа – такая забавная книга! Только я бы на месте Дориана вообще не смотрела на эту картину, ведь это же кошмар какой-то! А ботокса тогда, наверное, еще и не было.

– Мадам Гулливер, Оскар Уайльд писал эту книгу целых шесть лет. Из-за нее он попал в тюрьму и вскоре умер. Разве он не заслужил чуть больше вашего времени, чем два часа?

– Ах, да бросьте вы! Ему сейчас уже все равно.

Клодин Гулливер. Незамужняя дама лет сорока пяти с рубенсовскими формами, протоколистка одного из солидных аукционов. Каждый день она имела дело с людьми особого сорта – коллекционерами, слишком богатыми и слишком алчными. Мадам Гулливер тоже коллекционировала произведения искусства, преимущественно на каблуках и попугайской расцветки. Ее коллекция пантолет насчитывала сто семьдесят шесть пар и занимала отдельную комнату.

Одно из хобби мадам Гулливер заключалось в том, чтобы подкарауливать мсье Эгаре и то приглашать его на прогулку, то рассказывать ему об очередных курсах, которые она заканчивает, или о новых ресторанах, которые открываются в Париже каждый день. Другой страстью мадам Гулливер были романы, в которых героини бросались на широкую грудь какого-нибудь мерзавца и героически боролись с грубой мужской силой, пока эта сила не брала наконец верх над женской слабостью.

– Скажите, вы не хотели бы сегодня вечером сходить на... – прощепетала мадам Гулливер.

– Нет, сегодня что-то не хочется.

– Да вы ведь даже не дослушали! На «вечеринку ненужных вещей» в Сорбонне. Сплошь длинноногие студентки с художественного факультета, которые после выпускного экзамена избавляются от своего хозяйства и за гроши распродают свои книги, мебель, а может, и любовников. – Гулливер кокетливо вскинула брови. – Ну что, идете?

Он представил себе молодых мужчин, сидящих посреди напольных часов, ящичков с книгами и другого скарба с табличками на груди: «БУ. Одна хозяйка. Отличное состояние. Царапин или других механических повреждений нет. Необходима легкая профилактика сердца». Или: «БУ. Три хозяйки. Основные функции в порядке».

- Нет, честное слово, ни малейшего желания.

Мадам Гулливер тяжело вздохнула:

- О господи, у вас никогда нет желания - вы не замечали этого?

- Это...

Правда.

- ...никак не связано с вами. Правда. Вы восхитительная, смелая и... э-э-э...

В каком-то смысле она ему даже нравилась. Она загребала жизнь обеими руками. И похоже, брала от нее даже больше, чем ей требовалось.

- И очень компанейская.

Идиот!

Он уже настолько утратил форму, что не в состоянии был сказать что-нибудь приятное существу противоположного пола!

Мадам Гулливер двинулась дальше, виляя бедрами и шлепая своими канареечными пантолетами - топ-шлеп, топ-шлеп. Поравнявшись с Эгаре, она попыталась коснуться его крепкого предплечья, но он невольно отстранился, и она разочарованно уронила руку на перила.

- Мы с вами оба не становимся моложе, мсье... - сердито произнесла она тихим голосом. - Наша вторая половина жизни давно началась.

Топ-шлеп, топ-шлеп.

Эгаре непроизвольно потрогал волосы на затылке, там, где у многих мужчин появляется унизительная тонзура. Нет, до него очередь еще не дошла. Да, ему пятьдесят, а не тридцать. Темные волосы уже засеребрились. Лицо подернулось едва заметной тенью штриховки. Живот... Он втянул его. Пока еще терпимо. Его больше беспокоили бедра: каждый год на них нарастал новый тонкий слой жира. Да и таскать сразу по два ящика с книгами он уже не мог, черт побери! Но все это не имело значения – женщины уже не смотрели на него оценивающим взглядом. Если не считать мадам Гулливер, которая видела потенциального любовника в каждом мужчине.

Он украдкой взглянул вверх, не появится ли еще и мадам Бомм, чтобы начать очередную дискуссию на лестничной площадке. Об Анаис Нин[13 - Анаис Нин (1903–1977) – американская и французская писательница, известная своими эротическими романами.] и ее сексуальной одержимости. Во весь голос, потому что ее слуховой аппарат случайно был погребен в какой-то конфетной коробке.

Эгаре организовал читательский клуб для Бомм и других вдов с рю Монтаньяр, забытых детьми и внуками и сохнувших перед своими телевизорами. Они любили книги. А главное – литература была для них лишним поводом покинуть квартиру и в приятном обществе себе подобных предаться дегустации цветных дамских ликеров.

Обычно дамы единодушно выбирали эротические произведения. Эгаре маскировал их во время доставки под суперобложками безобидного характера – «Растительный мир Альп» (для «Сексуальной жизни Катрин М.»[14 - Роман французской писательницы и художественного критика Катрин Милле (р. 1948).]), «Вязальные узоры Прованса» (для «Любовника» Дюрас[15 - Маргерит Дюрас (Донадьё; 1914–1996) – французская писательница, сценарист, режиссер и актриса.]), «Рецепты варенья из Йорка» (для «Дельты Венеры» Анаис Нин). Ценительницы ликера с пониманием и благодарностью относились к предусмотрительности мсье Эгаре: они хорошо знали своих родственников, считавших чтение чересчур эксцентричным хобби для чудачек, которым, видите ли, телевизора уже мало, а эротику – далеко не самым подходящим увлечением для дам за шестьдесят.

Однако ему посчастливилось благополучно миновать второй этаж, не столкнувшись с ходунком мадам Бомм.

На втором этаже жила и пианистка Клара Виолет. Эгаре услышал стремительные пассажи Черни[16 - Карл Черни (1791–1857) – австрийский пианист и композитор чешского происхождения, знаменитый тем, что создал огромное количество этюдов для фортепиано.]. Под ее пальцами даже гаммы обретали особое, изысканное звучание.

Она считалась одной из пяти лучших пианисток мира. Но поскольку она не переносила присутствия слушателей в помещении, где играла, славы ей, увы, не досталось. Летом она давала балконные концерты: раскрывала все окна, а Эгаре, придвинув ее рояль фирмы «Плейель» к балконной двери, устанавливал под инструментом микрофон. И Клара играла. Два часа подряд. Жители дома № 27 сидели на ступеньках крыльца или на выставленных на тротуар складных стульях. Часть публики слушала ее, сидя за столиками в «Tu Breizh». После концерта, когда Клара выкатывалась на балкон и, робко кивая, кланялась, ей аплодировал чуть ли не весь микрорайон.

Остаток пути наверх Эгаре проделал без помех. Добравшись до пятого этажа, он увидел, что стол исчез. По-видимому, Кофи помог Катрин.

Чувствуя необъяснимую радость, он постучал в зеленую дверь.

– Добрый вечер! – прошептал он, прижимая бумажный пакет к матовому стеклу. – Я принес книги.

Когда Эгаре выпрямился, Катрин открыла дверь.

Светлые короткие волосы, жемчужно-серый взгляд из-под нежных бровей, недоверчивый, но мягкий. Она была босиком, в платье с вырезом, открывавшим только ключицы. В руках она держала конверт.

– Мсье, я нашла письмо.

Для одной минуты впечатлений было слишком много – Катрин, ее глаза, конверт с бледно-зеленой надписью, близость Катрин, ее запах, ключицы, жизнь... письмо...

Письмо?

– Нераспечатанное письмо. Оно было в вашем столе, в ящике, в том, что выкрашен в белый цвет. Я открыла этот ящик, а там лежало вот это письмо, под штопором.

– Да нет же, – вежливо возразил Эгаре, – никакого штопора там не было.

– Но я же видела его своими собственными...

– Ничего вы не видели!

Он вовсе не хотел так кричать, но вид письма, которое она держала в руке, был для него просто невыносим.

– Простите, пожалуйста, что я накричал на вас.

Она протянула ему письмо.

– Но это не мое письмо.

Мсье Эгаре попятился к своей квартире.

– Сожгите его.

Катрин пошла за ним, глядя ему в глаза. Его лицо вдруг вспыхнуло, словно от удара хлыстом.

– Или бросьте его в мусорное ведро.

– Значит, я в принципе могла его прочитать?

– Мне все равно. Это не мое письмо.

Она не отрывала от него взгляда, пока он не закрыл за собой дверь, оставив ее на лестнице.

– Мсье! Мсье Эгаре! – Катрин постучала в дверь. – Но на конверте написано ваше имя.

– Уходите! Пожалуйста! – крикнул он.

Он узнал письмо. Почерк.

В нем что-то лопнуло.

Женщина с темными кудрявыми волосами открывает дверь купе, сначала долго смотрит в окно, на перрон, потом поворачивается к нему, со слезами на глазах. Шагает по Провансу, по Парижу, по улице Монтаньяр и наконец входит в его квартиру. Принимает душ, идет нагишом по комнате. Губы, приближающиеся к его губам, в полумраке.

Мокрая после душа кожа, влажные губы, перекрывающие ему дыхание, впивающиеся в его губы. Поцелуй.

Бесконечный.

Лунный свет на ее маленьком мягком животе. Две тени, танцующие в красной оконной раме.

А потом она укрылась его телом.

*** спит на диване в лавандовой комнате, как она называла запретную комнату, завернувшись в свое провансальское лоскутное одеяло, которое сшила еще невестой.

До того, как вышла замуж за своего «виньерона» – винодела и...

Покинула меня.

А потом еще раз.

Каждой комнате, в которой они встречались за эти пять лет, *** давала название: Солнечная, Медовая, Садовая. Для него, ее тайного любовника, ее второго мужа, эти комнаты были вселенной, составляли весь смысл его существования. Его комнату она назвала «лавандовой», это была ее маленькая родина на чужбине.

Последняя ночь, которую она провела в ней, была жаркая августовская ночь 1992 года.

Они вместе приняли душ и были мокрые и голые.

Она ласкала Эгаре своей прохладной мокрой рукой, потом, скользнув ему на грудь, вдавила его ладони, справа и слева, в диван и, глядя на него сверху диким взглядом, прошептала:

– Я хочу, чтобы ты умер раньше меня. Обещаешь мне это?

Она овладела им, нанизала свое тело на его плоть с каким-то особым, целомудренным бесстыдством и все повторяла сквозь стоны:

– Обещай мне! Обещай мне!

Он обещал.

Позже, ночью, уже не видя в темноте белков ее глаз, он спросил почему.

– Я не хочу, чтобы ты один шел по дорожке от стоянки до моей могилы. Я не хочу, чтобы тебе было грустно и одиноко. Лучше пусть я буду тосковать по тебе до самой смерти.

– Почему я ни разу не сказал тебе, что люблю тебя? – прошептал Эгаре. – Почему, Манон? Манон!..

Да, он так и не признался ей в любви. Чтобы не смущать ее. Чтобы не услышать в ответ: «Чччч...» – чувствуя ее палец на губах.

Он ведь мог быть в ее жизни мозаичным камешком, думал он тогда. Красивым, мерцающим, но всего лишь одним из множества элементов, а не законченной картиной. И он готов был принести ей эту жертву.

Манон. Сильная, не красавица и даже не хорошенькая. Провансалка, говорившая словами, которые, казалось, можно пощупать. Она никогда ничего не планировала, она жила настоящим. Она не говорила за вторым блюдом о десерте, ложась спать, не говорила о пробуждении, прощаясь, не говорила о встрече. Она вся была здесь и сейчас.

В ту августовскую ночь, которой предшествовали 7216 других ночей, Эгаре в последний раз спал хорошо. Когда он проснулся, Манон уже не было.

Он не мог припомнить ни одного знака, ни одного сигнала, предвещавшего ее уход. Он вновь и вновь ломал себе голову, тысячу раз воспроизводил в памяти жесты, взгляды, слова Манон, но не находил в них ничего, что могло бы означать начало конца.

Она ушла.

И больше не вернулась.

Через несколько недель он получил от нее письмо.

То самое письмо.

Оно два дня пролежало на столе. Он смотрел на него, давясь своим одиноким ужином, в одиночестве опустошая бутылку за бутылкой, в одиночестве куря сигарету за сигаретой. Ослепнув от слез.

Слезы катились по щекам, капали на стол и на конверт.

Он так и не открыл письмо.

В те дни он испытывал страшную усталость. От слез и от сознания того, что больше не может спать в этой кровати, ставшей без нее такой огромной, пустой и холодной. И от тоски.

В гневе и отчаянии он бросил письмо – нераспечатанным! – в ящик кухонного стола. Туда, где лежал штопор, который они «одолжили» в пивной в Менербе и увезли с собой в Париж. Они тогда только что приехали из Камарга, с сияющими, напоенными южным солнцем глазами, и остановились в Любероне, в маленьком пансиончике, прилепившемся к отвесному горному склону, как пчелиное гнездо, – ванная в коридоре, на завтрак лавандовый мед.

Манон хотела показать ему все. Откуда она родом, чем пропитана ее душа. Она даже хотела представить ему своего будущего мужа Люка, издали, сидящим на своем длинноногом тракторе, посреди виноградника в долине под Боньё. Люк Бассе, «виньерон», винодел.

Словно в надежде на то, что они все трое станут друзьями. И каждый будет радоваться вожделению, любви каждого.

Эгаре отказался. Они остались в медовой комнате.

Он стоял за дверью, в темноте, и у него было такое ощущение, как будто силы стремительно уходят из него, текут, как кровь из вскрытых вен; казалось, что он уже не в состоянии сделать и шага от этой двери.

Ему не хватало тела Манон. Ему не хватало ее руки, которую она во сне подсовывала ему под попу. Ему не хватало ее дыхания, ее детского ворчания, когда он слишком рано будил ее, а для нее всегда было слишком рано, в котором бы часу он ее ни будил.

И ее глаз, смотревших на него с любовью, ее тонких мягких курчавых волос, когда она терлась головой о его шею, – всего этого ему не хватало так остро, что его тело корчило в судорогах каждый вечер, когда он ложился в пустую кровать. И каждое утро, когда он просыпался.

Он ненавидел это пробуждение в жизнь без нее.

Поэтому сначала он разбил кровать, потом полки, скамеечку для ног, порезал на куски ковры, сжег картины, опустошил квартиру. Он отдал бездомным всю одежду, раздарил все пластинки.

Оставил только книги, которые читал ей вслух. Он читал ей каждый вечер: стихи, отдельные сцены, главы, заметки, фрагменты биографий, выдержки из справочников, «Детские молитвы» Рингельнаца (о, как она любила про «луковку»!) – чтобы она могла уснуть в этом чужом для нее, зловещем, убогом мире, на холодном севере с его замороженными обитателями. У него не поднялась рука выбросить эти книги.

Он замуровал ими лавандовую комнату.

Но она не отпускала.

Она не отпускала его, эта чертова тоска, будь она проклята!

Единственная возможность как-то жить с ней заключалась в том, чтобы избегать жизни. Он запрятал жизнь вместе с тоской куда-то глубоко внутрь, на самое дно души.

И вот теперь она опять навалилась на него с чудовищной силой.

Мсье Эгаре дотащился до ванной и подставил голову под струю ледяной воды.

Он ненавидел Катрин, ненавидел ее растреклятого, блудливого, жестокого мужа.

Ну почему этому безмозглому козлу Ле П. приспичило уйти от нее, не оставив ей даже кухонного стола, именно сейчас? Не раньше и не позже? Болван!..

Он ненавидел консьержку, и мадам Бернар, и Жордана, и мадам Гулливер – всех! Всех до одного!

Он ненавидел Манон.

С мокрой, прямо из-под крана, головой он распахнул дверь. Если этой мадам Катрин так хочется, то он ей скажет: «Да, черт побери, это мое письмо! Я просто не захотел его тогда открывать. Из гордости. Из принципа».

А любая ошибка, совершаемая из принципа, обретает смысл.

Он хотел прочесть письмо, когда почувствует себя готовым к этому. Через год. Или два.

Он не собирался ждать двадцать лет, постепенно превращаясь в пятидесятилетнего чудака.

Не открыть письмо Манон – было единственно возможной формой защиты. Не принять ее оправданий – было единственным оружием, которым он располагал.

Да, именно так!

Тот, кого покинули, должен отвечать молчанием. И ничего не давать тому, кто ушел, а наоборот, должен закрыться в себе, так же как другой закрылся от него в некоем будущем. Да, именно так.

– Нет! Нет! Нет! – крикнул Эгаре.

Что-то тут было не так, он чувствовал это. Но что? Это сводило его с ума.

Мсье Эгаре направился к двери напротив.

И позвонил.

Потом постучал, потом, выдержав паузу, позвонил еще раз и повторял эти действия еще некоторое время, которое требуется нормальному человеку, чтобы вылезти из-под душа и вытрясти из ушей воду.

Почему она не открывает? Она же только что была дома.

Он вернулся к себе, вырвал из первой попавшейся книги, лежавшей на вершине книжной горы перед дверью в лавандовую комнату, первую страницу и лихорадочно написал:

Я хотел попросить Вас принести мне письмо, как только Вы вернетесь, – не важно, в какое время. Не читайте его, пожалуйста. Извините за неудобства, которые я Вам причиняю. Всего доброго.

Эгаре

Уставившись на свою подпись, он вдруг подумал, сможет ли он еще когда-нибудь нормально воспринимать свое имя.

Потому что каждый раз, мысленно называя его, он слышал голос Манон. Как она произносила его имя сквозь стон. Или сквозь смех. Или шепотом... Да, особенно шепотом!

Он втиснул свой инициал – Ж. (Жан) – между «Всего доброго» и «Эгаре».

Сложив листок вдвое, он прикрепил его скотчем к двери Катрин.

Письмо. Наверняка какие-нибудь беспомощные объяснения из тех, которыми женщины «утешают» наскучивших любовников. Так что особых причин переживать по этому поводу нет.

Конечно нет.

Мсье Эгаре вернулся в свою пустую квартиру и стал ждать.

Он чувствовал себя необыкновенно, немислимо одиноким – как маленькая безымянная лодка без паруса и без весел посреди игривого, насмешливого моря.

Когда ночь ушла, уступив Париж субботнему утру, мсье Эгаре выпрямился, преодолевая боль в спине, снял очки и потер припухшую переносицу. Несколько часов подряд он просидел на коленях над своей крупногабаритной напольной мозаикой, бесшумно вдавливая пазлы один в другой, стараясь не пропустить момент, когда Катрин наконец подаст какие-нибудь признаки жизни. Но на площадке было по-прежнему тихо.

У него все болело: грудь, поясница, шея. Он снял рубашку, пошел в ванную и стоял под ледяным душем, пока не посинел от холода, потом включил горячую воду и стоял, пока не покраснел, как рак. Наконец, обмотав бедра одним из двух своих полотенец, весь в клубках пара, подошел к кухонному окну. Сделал под клокотание чайника на плите несколько отжиманий от пола и приседаний. Потом, сполоснув единственную чашку, налил себе черного кофе.

Лето и в самом деле обрушилось на Париж именно этой ночью.

Воздух – как из паровозной топки.

Может, Катрин сунула ему письмо в почтовый ящик? После его дикой выходки вчера вечером она, наверное, больше вообще не захочет иметь с ним дело.

Босиком, придерживая рукой узел полотенца, Эгаре прошлепал по безлюдной лестнице к почтовым ящикам.

– Ну знаете! Это уже чересч... Ах, это вы?..

Мадам Розалетт, облаченная в домашний халат, высунулась из своей привратничкой. Он почувствовал ее взгляд, скользнувший по его коже, мускулам, полотенцу. «Идиотская ситуация!» – подумал он, отметив при этом, что мадам Розалетт разглядывала его чуть дольше, чем того требуют приличия. И как будто удовлетворенно кивнула?..

Покраснев до корней волос, он помчался наверх.

Добравшись до своей двери, он обнаружил на ней нечто, чего еще пару минут назад не было.

Кто-то оставил ему записку.

Он нетерпеливо развернул листок. Узел полотенца развязался, и оно упало на пол. Но мсье Эгаре, не замечая своей наготы, внезапно открывшейся всем потенциальным взорам на лестничной площадке, читал с возрастающим негодованием:

Дорогой Ж.!

Приходите ко мне сегодня вечером на ужин. Вы должны прочесть письмо, обещайте мне это! Иначе я Вам его не верну. Не сердитесь.

Катрин

P. S. Захватите с собой тарелку. Вы умеете готовить? Я нет.

Он уже разозлился не на шутку. Но тут с ним произошло нечто чудовищное.

Левый угол рта его вдруг дернулся.

И он... расхохотался.

– «Захватите с собой тарелку! Прочитайте письмо!» – ошеломленно бормотал он сквозь смех. – «У вас никогда нет желания, Эгаре! Обещайте мне! Умри раньше меня! Обещай мне!..»

Обещания... Все женщины жаждут обещаний.

– Я никому больше ничего не буду обещать! Никогда! – крикнул он в приступе внезапной ярости.

Ответом ему была равнодушная тишина лестничной клетки.

Он с треском захлопнул за собой дверь, чувствуя глубокое удовлетворение от этого маленького акта вандализма и от сознания, что сорвал всех с теплых постелей.

Потом опять открыл дверь и немного пристыженно поднял с пола полотенце.

Хрясь! – хлопнула дверь во второй раз.

Ну, сейчас-то они уж точно все сидят вертикально в своих кроватях, как суслики.

Мсье Эгаре быстрыми шагами шел по рю Монтаньяр, и ему казалось, будто дома стоят без фасадов. Как кукольные домики, открытые с одной стороны.

Он знал каждую библиотеку в каждом доме. В конце концов, он сам их все составлял год за годом.

№ 14: Кларисса Менпеш. Такая нежная душа в таком тяжелом теле! Она любит воительницу Бриенну из «Песни льда и огня»[17 - Серия эпических романов в жанре фэнтези американского писателя и сценариста Джорджа Р. Р. Мартина (р. 1948).].

За этой гардиной в доме № 2: Арно Силет, который хотел бы жить в двадцатые годы XX века. В Берлине. И быть актрисой.

Напротив, в доме № 5, с прямой, как свеча, спиной, за своим ноутбуком: переводчица Надира дель Паппас. Любит исторические романы, в которых женщины переодеваются мужчинами и преодолевают границы своих возможностей.

А над ней? Там вообще нет книг. Все раздарены.

Эгаре остановился и взглянул вверх на фасад дома № 5.

Восьмидесятидвухлетняя вдова Марго. Влюбившаяся некогда в немецкого солдата, которому было столько же лет, сколько и ей, когда война отняла у них юность, – шестнадцать. Как он хотел любить ее, прежде чем вернуться в окопы! Он знал, что не доживет до конца войны. Как ей было стыдно раздеваться перед ним! И как она до сих пор жалеет о том, что так и не смогла преодолеть свой стыд! Она уже шестьдесят семь лет не могла простить себе этого упущенного шанса. Чем старше она становилась, тем настойчивей вытеснял этот единственный далекий полдень, когда они, рука в руке, лежали с этим мальчиком на кровати, дрожа от возбуждения и робости, все остальные впечатления долгой жизни.

Я вижу, что состарился и даже не заметил этого. Как летит время! Проклятое, потерянное время!

Манон, мне страшно! Я боюсь, что сделал какую-нибудь жуткую глупость.

Я так постарел – всего за одну ночь! И мне так не хватает тебя!

Мне так не хватает себя!

Я уже не помню, кто я.

Мсье Эгаре медленно пошел дальше.

Перед витриной виноторговки Лионы он остановился, изумленно уставившись на свое отражение. Неужели это он? Этот высокий, просто одетый мужчина с невостребованным, нетронутым телом, который ходит ссутулившись, словно желая остаться незамеченным?

Откуда-то из глубины помещения вышла Лиона, владелица магазина, чтобы вручить ему обычный субботний пакет для его отца, и Эгаре, глядя на нее, вспомнил, что уже столько раз заходил сюда и каждый раз отказывался от предложения «пропустить по стаканчику». Поболтать с ней или с кем-нибудь другим, с нормальными, приветливыми людьми. Сколько раз за последние двадцать лет он то тут, то там предпочел пройти мимо, вместо того чтобы остановиться, разговориться с кем-нибудь, попытаться приобрести друзей, сблизиться с женщиной!

Через полчаса Эгаре стоял за высоким столом еще закрытого бара «Урк» в парке Ла Виллет. Здесь игроки в петанк парковали свои бутылки с водой и багеты с сыром и ветчиной. Маленький коренастый мужчина удивленно уставился на него:

- А ты что здесь делаешь в такую рань? Что-нибудь с мадам Бернье?.. Ну, говори
- Лираб...

- Да нет, с мамой все в порядке. Она командует целым полком немцев, которые желают учить французский с настоящей парижской интеллектуалкой. Так что за нее не беспокойся.

- Немцы? А, ну да. Мадемуазель Бернье еще не один десяток лет будет в полном здравии поучать весь мир, как когда-то поучала нас.

Отец и сын замолчали, в унисон предавшись воспоминаниям о том, как Лирабель Бернье прямо за завтраком читала Эгаре, еще школьнику, лекцию об отстраненном изяществе условного наклонения и эмоциональности сослагательного. Подняв вверх указательный палец, золотой лакированный ноготь которого должен был усиливать значимость сказанного.

- Сослагательное наклонение – это когда говорит сердце. Запомни это.

Лирабель Бернье. Отец Эгаре опять называл свою бывшую жену ее девичьим именем. Раньше, во время их восьмилетнего супружества, он называл ее сначала «мадам Цап-царап», потом «мадам Эгаре».

- Ну что она велела передать мне на этот раз? – спросил сына Жоакен Эгаре.

- Что тебе надо сходить к урологу.

- Скажи, что схожу. Совсем необязательно напоминать мне об этом каждые полгода.

Они поженились в возрасте двадцати одного года, чтобы досадить своим родителям. Она, интеллектуалка из философско-экономической семьи, вешалась на шею какого-то токаря – отвратительно! Он, сын пролетариев – полицейского

патрульно-постовой службы и глубоко верующей фабричной швеи, изменил своему классу, связавшись с какой-то буржуйкой, – предатель!

– Что-нибудь еще? – спросил Эгаре-старший, доставая из принесенного ему сыном пакета бутылку муската.

– Ей нужна новая подержанная машина. Она просила тебя подыскать ей что-нибудь. Только не такого дурацкого цвета, как последняя.

– Дурацкого? Да она была белая! Вот уж действительно – с твоей матерью не соскучишься!

– Ну, так как? Подберешь ей что-нибудь?

– Подберу, подберу. А что, владелец автосалона опять не захотел с ней говорить?

– Да. Он каждый раз спрашивает ее про мужа. А ее это бесит.

– Знаю, Жанно. Он мой хороший приятель, этот Коко, играет в нашей тройке, классный игрок.

Жоакен ухмыльнулся.

– Мама спрашивает, умеет ли твоя новая подружка готовить, или ты четырнадцатого июля будешь обедать у нее?

– Скажи своей матери, что моя так называемая новая подружка прекрасно готовит, но у нас с ней есть и другие занятия, кроме еды.

– Мне кажется, будет лучше, если ты сам скажешь это маме.

– Я могу сказать это мадемуазель Бернье как раз четырнадцатого июля. Что ни говори, а готовит она неплохо. Наверняка будут мозги с языком.

Жоакен затрясся от смеха.

С тех пор как его родители развелись, Жан Эгаре каждую субботу навещал отца, принося с собой мускат и различные вопросы от матери. А по воскресеньям он ходил к матери и передавал ей ответы бывшего супруга, а также сбалансированный отчет о его состоянии здоровья и актуальных параметрах его личной жизни.

– Дорогой мой сын, женщина, выходя замуж, автоматически пожизненно становится своего рода системой контроля. Ты следишь за всем: что делает муж, как он себя чувствует. А позже, когда появляются дети, ты отвечаешь и за них. Ты превращаешься в надзирательницу, служанку и дипломата в одном флаконе. И это не кончается с такими банальными переменами, как развод. О нет, любовь, может, и проходит, но забота остается.

Эгаре и его отец прошлись немного вдоль канала. Жоакен, ниже ростом, прямой, широкоплечий, в лилово-белой клетчатой рубашке, провожал огненным взглядом каждую женщину. На светлых волосках его жилистых рабочих рук весело плясали солнечные искорки. Ему было семьдесят пять, но держался он как двадцатипятилетний, насвистывал шлягеры и пил столько, сколько хотел.

Мсье Эгаре шел рядом с ним, глядя в землю.

– Ну ладно, Жанно, – сказал вдруг отец. – Как ее зовут?

– Что? Кого? По-твоему, это обязательно должна быть женщина, папа?

– Это всегда – женщина, Жанно. Ничто другое не может выбить мужчину из колеи. А ты выглядишь так, как будто тебя не выбили, а вышибли из колеи.

– Это у тебя, возможно, все зависит от женщины. А чаще – сразу от нескольких.

Жоакен мечтательно улыбнулся.

– Да, я люблю женщин, – сказал он и достал из кармана рубашки пачку сигарет. – А ты разве нет?

– Ну почему же? Люблю, но... как-то...

- «Как-то»? Это как? Как слон слоницу? А может, ты предпочитаешь мужчин?

- Перестань. Я не голубой. Поговорим лучше о лошадях.

- Хорошо, сынок, как скажешь. У женщин и лошадей много общего. Хочешь знать, что именно?

- Нет.

- Ну, так вот. Если лошадь говорит «нет», значит ты просто неправильно сформулировал вопрос. То же самое с женщинами. Не надо спрашивать ее: «Пужинаем вместе?» Надо спрашивать: «Что тебе приготовить?» Может она на это ответить «нет»? Нет, не может.

Эгаре чувствовал себя мальчишкой. Отец и в самом деле принялся просвещать его относительно женщин.

А что мне сегодня вечером приготовить Катрин?

- Вместо того чтобы шептать им на ухо, как лошадям: мол, ложись, женщина, надевай свою сбрую, надо самому внимательно их слушать. Слушать, что они хотят. А они, в сущности, хотят быть свободными и летать над землей.

Катрин, похоже, сыта по горло наездниками, которым только и надо, что выдрессировать ее, а потом списать в резерв.

- Чтобы обидеть их, достаточно одного-единственного слова, нескольких секунд, одного глупого нетерпеливого удара хлыстом. А на то, чтобы вернуть себе их доверие, уходят годы. А иногда на это и жизни не хватит.

Удивительно, с каким равнодушием люди воспринимают любовь к себе, если она не входит в их планы. Эта любовь настолько тягостна для них, что они меняют дверные замки или уходят без предупреждения.

- А когда любит лошадь, Жанно... мы так же не заслуживаем их любви, как и любви женщин. Они более возвышенные создания, чем мы, мужчины. Когда они любят, то это - милость, потому что мы редко даем им повод любить нас. Я

научился этой истине у твоей матери, и она, к сожалению, права.

И именно поэтому так больно. Когда женщины перестают любить, мужчины возвращаются назад в свою пустоту.

– Жанно, женщины любят в сто раз умнее, чем мужчины! Они никогда не любят мужчину только за его тело. Даже если оно им нравится, и очень нравится. – Жоакен блаженно вздохнул. – Женщины любят тебя за характер. За силу. За ум. За то, что ты можешь защитить ребенка. Потому что ты – хороший человек, с честью и достоинством. Они никогда не любят так глупо, как мужчины любят женщин. За то, что у тебя красивые ноги или что ты сногшибательно выглядишь в костюме, так что твои подруги или коллеги завистливо кусают губы, когда она тебя с ними знакомит. Такие женщины тоже есть, но они существуют только для того, чтобы быть предостережением для других.

Мне нравятся ноги Катрин. Интересно, ей было бы приятно знакомить меня с подругами или коллегами? Достаточно ли я... умен для этого? И честен? Есть во мне что-нибудь, что ценят женщины?

– Лошадь просто восхищается всей твоей личностью.

– Лошадь? Почему лошадь? – искренне удивился Эгаре.

Он прослушал половину.

Тем временем они повернули за угол и опять оказались в нескольких метрах от игроков в петанк на берегу канала Урк.

Жоакена приветствовали пожатием руки, Жану пришлось довольствоваться кивками.

Он наблюдал, как его отец вышел на площадку и встал в круг для броска. Как он, присев на корточки, размахивал правой рукой, словно маятником.

Веселая ходячая бочка с рукой. Мне повезло с отцом, он всегда любил меня, хотя отцом был далеко не идеальным.

Стук металла о металл. Жоакен Эгаре умело выбил шар противника за линию аута.

Одобрительное бормотание.

Я готов сидеть здесь целый день и реветь без остановки. Почему у меня, идиота, больше нет друзей? Может, я испугался, что они в один прекрасный день тоже уйдут? Как ушел мой лучший друг Виджайя? Или что они будут смеяться, что я так и не переболел Манон?

Он посмотрел на отца и уже хотел сказать ему: «А ты нравился Манон. Помнишь Манон?»

Но отец опередил его.

– Жанно, передай матери... – сказал он. – Ну, в общем... скажи ей, что лучше ее никого нет. И не было.

В его глазах мелькнуло сожаление о том, что любовь не мешает одному супругу пригвоздить к стене другого за то, что тот его жутко раздражает.

10

Катрин осмотрела его барабулек, свежую зелень, сливки от широкобедрых нормандских коров, потом показала свои припасы – несколько небольших молодых картофелин, сыр, душистые груши и вино – и спросила:

– Как вы думаете, можно из всего этого что-нибудь приготовить?

– Можно. Но только не одновременно, а последовательно, – ответил он.

– Я целый день радовалась этому ужину, – призналась она. – И немного боялась. А вы?

– Наоборот, – ответил он. – Я очень боялся и немного радовался. Я должен перед вами извиниться.

– Нет, не должны. Вы сейчас боретесь с какой-то болью, и вам совсем необязательно делать вид, что это не так.

С этими словами она бросила ему вместо фартука серо-синее клетчатое полотенце. На ней было голубое летнее платье с красным поясом, за который она тоже заткнула такой же «фартук». Сегодня он успел заметить, что светлые волосы у нее на висках серебрились на солнце, а во взгляде уже не было ни ужаса, ни растерянности.

Вскоре под кастрюлями и разнокалиберными сковородками уже шипело голубое пламя, тихо булькал сливочный соус с белым вином и луком-шалотом, а в тяжелой сковороде покрывался нежным румянцем картофель в оливковом масле с розмарином и солью. Окна запотели.

Они беседовали так непринужденно, как будто знали друг друга много лет. О Карле Бруни[18 - Карла Бруни (р. 1967) – итало-французская топ-модель, композитор, поэтесса-песенница и певица, а также бывшая первая леди Французской Республики – третья жена 23-го президента Франции Николя Саркози (со 2 февраля 2008 г.).], о морских коньках, самцы которых вынашивают потомство в кармане на брюшке. О моде на соль с разными вкусовыми добавками. И разумеется, о соседях.

Темы, серьезные и легкие, приходили сами собой между вином и рыбой, за совместными кулинарными манипуляциями. Эгаре казалось, что они с Катрин фраза за фразой открывают свое внутреннее родство.

Он делал соус, Катрин жарила в этом соусе рыбу. Ели они прямо из сковородок, стоя, поскольку у Катрин был всего один стул.

Она налила вина, легкого желтого тапи из Гаскони. И он действительно пил! Осторожными глотками.

Это было самое удивительное в его первом с 1992 года randevu: едва переступив порог квартиры Катрин, он ощутил непривычное чувство безопасности, окутавшее его, словно облако. Все опасные, болезненные мысли,

обычно кружившие на периферии его сознания, сюда не проникали. Они как будто остались за некой прозрачной волшебной стеной.

– Чем вы сейчас живете? Чем занимаетесь? – спросил в какой-то момент Эгаре, когда они уже поговорили обо всем на свете, вплоть до портных президентов.

– Я? Поисками, – ответила она, потянувшись за куском багета. – Я ищу себя. До... до того, что со мной произошло, я была ассистенткой, секретаршей, пиар-менеджером и почитательницей своего мужа. Сейчас я ищу то, что умела до встречи с ним. Точнее, ставлю опыты, пытаюсь понять, остались ли еще какие-то навыки. Вот этим я и занимаюсь. Опытами.

Она принялась выскребать мякиш из багета и мять его тонкими пальцами, стараясь придать ему какую-то форму.

Эгаре читал Катрин, как книгу. Она не противилась, предоставив ему свободно листать повесть ее души, вглядываться в перипетии ее истории.

– Я себя сегодня чувствую, как будто мне не сорок восемь лет, а восемь. В детстве я ненавидела, когда меня игнорировали. И в то же время, когда кто-нибудь проявлял ко мне интерес, сразу терялась. К тому же этот интерес должны были проявлять не все подряд, а только те, кто был мне нужен: богатая девочка с гладкими волосами, с которой я хотела подружиться, добрый учитель, который должен был обратить внимание на то, с какой скромностью я делюсь своими обширными познаниями. И моя мать. Ах, моя мать... – Катрин замолчала. Пальцы ее продолжали лепить что-то из хлебного мякиша. – Мне всегда было необходимо внимание как раз самых больших эгоистов. Остальные мне были безразличны: мой отец, толстая, вечно потная Ольга с первого этажа. Хотя они были очень даже милы. Но когда я нравилась «милым» людям, мне было как-то неловко. Глупо, правда? И вот такой вот глупой девчонкой я была и в замужестве. Я хотела, чтобы на меня обратил внимание мой муж, этот идиот, а всех остальных я в упор не видела. Но теперь я созрела для того, чтобы изменить это. Передайте мне, пожалуйста, перец.

Она слепила из мякиша своими маленькими тонкими пальцами морского конька и вставила ему глазки из горошинок перца.

– Я была скульптором, – сказала она и протянула Эгаре морского конька. – Когда-то. Мне сорок восемь лет, и я начинаю учиться всему заново. Не помню, сколько лет прошло с тех пор, как я в последний раз спала со своим мужем. Я была верной дурой и потому жутко одинокой, такой одинокой, что если вы вздумаете проявлять ко мне участие и великодушие, то я вас просто укушу. Или убью. Потому что терпеть этого не могу.

Эгаре с удивлением смотрел на себя со стороны: он с такой женщиной, один, за закрытой дверью...

Позабыв обо всем на свете, он с таким жадным любопытством рассматривал лицо Катрин, ее голову, словно собирался залезть внутрь и узнать, что там есть еще интересного.

У Катрин были проколоты уши, но серьги она не носила. («Те серьги с рубинами теперь носит его новая пассия. Жаль, я бы с таким удовольствием швырнула их к его ногам».) Иногда она касалась пальцами ямки на шее, словно искала что-то. Возможно, цепочку, которую теперь тоже носила другая.

– А чем занимаетесь вы? – спросила она.

Эгаре рассказал ей о своей «Литературной аптеке».

– Пузатая баржа с камбузом, ванной, двумя койками и восемью тысячами книг. Отдельный мирок.

И игрушечное приключение, как и всякое другое судно, прикованное к берегу. Но этого он не сказал.

– И посреди этого мирка – король, мсье Эгаре, литературный фармацевт, выписывающий лекарства от любовных мук.

Катрин показала рукой на пакет с книгами, которые он принес ей накануне вечером:

– Кстати, помогает.

– А кем вы хотели стать, когда были девочкой? – спросил он, чтобы скрыть охватившее его вдруг смущение.

– О, я хотела стать библиотекарем. И пиратом. Ваш «книжный ковчег» – как раз то, что мне было нужно. Днем я бы добывала из книг все тайны и сокровища мира.

Эгаре слушал ее с растущей симпатией.

– А ночью отнимала бы у злых людей все, что они выдурили у добрых своим враньем. И взамен оставляла бы им одну-единственную книжку, которая бы их просветила, пробудила в них раскаяние и превратила их в добрых людей – ну и так далее... Естественно, а как же иначе!

Она рассмеялась.

– Все верно, – подтвердил он ее иронию.

Ведь это единственное трагическое свойство книг: они действительно изменяют людей. Но только не злых. Эти не становятся хорошими отцами, любящими мужьями, добрыми, преданными подругами. Они остаются тиранами, продолжают мучить своих сотрудников, детей, собак, радуясь унижению своих жертв, непримиримые в мелочах, трусливые в серьезных ситуациях.

– Книги были моими друзьями, – сказала Катрин, охлаждая бокалом с вином раскрасневшуюся от кухонного жара щеку. – Мне кажется, я все свои чувства взяла из книг. В них я любила, смеялась и узнала больше, чем за всю свою вневкнижную жизнь.

– Я тоже, – пробормотал Эгаре.

Взгляды их встретились, и все произошло как-то очень просто и естественно.

– А что, собственно, означает это «Ж» в вашей записке? – спросила Катрин внезапно потеплевшим голосом.

Он не сразу смог ответить: ему пришлось прокашляться.

– Жан... – произнес он почти шепотом непривычно заплетающимся языком – настолько чужим стало для него это слово. – Меня зовут Жан Альбер Виктор Эгаре. Альбер – в честь моего деда по отцовской линии. Виктор – в честь моего деда по материнской линии. Моя мать – преподаватель, ее отец Виктор Бернье был токсикологом, социалистом и мэром. Мне пятьдесят лет, Катрин, и в моей жизни было очень немного женщин, еще меньше тех, с которыми я спал. Одну из них я любил. Она ушла от меня.

Катрин неотрывно смотрела на него.

– Двадцать один год назад. Это письмо – от нее. И я боюсь читать его.

Он ждал, что она вышвырнет его. Даст ему пощечину. Отведет взгляд. Но она не сделала ни того, ни другого, ни третьего.

– Ах, Жан... – прошептала Катрин с искренним состраданием.

– Жан...

Давно забытое сладкое ощущение от того, что кто-то произносит твое имя.

Они смотрели друг на друга. Он заметил в ее взгляде едва уловимый трепет, почувствовал, что и сам вдруг стал мягким, податливым, и впустил ее в себя. Они проникли друг в друга взглядами и произнесенными словами.

Две лодки в открытом море, которые думали, что, с тех пор как потеряли якоря, дрейфуют в одиночку, и вдруг...

Она провела рукой по его щеке.

Эта секундная ласка прозвенела в его сознании как пощечина, потрясающе сладкая, блаженная пощечина.

Еще! Еще!

Когда она поставила на стол свой бокал, их обнаженные предплечья соприкоснулись.

Кожа. Нежный пушок. Тепло.

Кто из них испугался больше – неизвестно, но то, что этот испуг был вызван не ощущением чужеродности, внезапной близостью, соприкосновением, оба поняли мгновенно.

Они испугались остроты этого ощущения.

11

Жан сделал шаг в ее сторону и, встав у нее за спиной, почувствовал запах ее волос и ощутил грудью ее плечи. Сердце его бешено колотилось. Он медленно и внешне очень спокойно положил ладони на ее тонкие запястья. Сомкнув на них большие и средние пальцы, он нежно провел этими почти бестелесными кольцами из тепла и кожи вверх по рукам Катрин.

Она судорожно вздохнула тонким, птичьим голосом, на острие которого едва внятно прошелестело его имя:

– Жан!..

– Да, Катрин.

Эгаре почувствовал растущую в ней дрожь. Эта дрожь шла из эпицентра внизу живота, раскатистая и гулкая, как землетрясение. Она катилась волнами.

Он обнял ее сзади, чтобы сдерживать эти волны.

Тело ее содрогалось, не оставляя сомнений в том, что оно долго, очень долго не знало ласки. Она была нераспустившимся цветком, сжатым, стиснутым в своей оболочке.

И такой одинокой. Такой покинутой.

Катрин прислонилась к нему. Ее волосы приятно пахли.

Прикосновения Эгаре становились все нежней, он гладил только кончики тонких волосков на ее голых руках, только воздух над ними.

Как хорошо!

«Еще! – молила плоть Катрин. – Пожалуйста, еще! Я так давно не испытывала этого, я изнемогаю от жажды! Нет, это слишком остро, слишком сильно! Я не выдержу этого! Мне так этого не хватало! Я терпела эту жажду до сегодняшнего дня, я была так жестока к себе самой. Но теперь – о, я распадаюсь на части, рассыпаюсь, как песок, растворяюсь, помоги мне, не прерывай эту сладкую муку!»

Неужели я слышу ее чувства?

Звуки, исходившие из ее уст, были лишь варианты его имени.

Жан... Жан!.. Жан?..

Катрин прижалась к нему и полностью отдалась его рукам. Его пальцы жгло исходящим от нее жаром, ему казалось, что он – и рука, и член, и чувство, и тело, и душа, и мужчина, и все мышцы, и все это, слитое воедино, сосредоточилось в кончиках его пальцев.

Он касался лишь не прикрытой платьем кожи. Ее рук, крепких и смуглых; он едва ощутимо ласкал их, повторяя все линии и изгибы. Он гладил ее затылок, волосы, ее шею, нежную и мягкую, ее изогнутые, удивительные, завораживающие ключицы. Он, словно скульптор, «читал» подушечками пальцев контуры ее мышц, напряженных и расслабленных.

Ее кожа становилась все теплее и теплее. Он чувствовал, как наливаются под ней упругие мышцы, как все тело Катрин разгорается и звенит от сладкой истомы. Плотный тяжелый цветок, рвущийся на свободу из затвердевшего бутона. Царица ночи.

Он тихо произнес ее имя, словно пробуя его на вкус:

– Катрин...

Давно забытые чувства потрясли его, и корка, которой его душа покрылась за все эти годы, отвалилась сама собой. В паху у него блаженно заняло. Его руки чувствовали уже не столько импульсы, которые посылала Катрин, сколько то, как отвечает ее кожа, как ее тело ласкает его руки. Ее тело целовало его ладони, кончики его пальцев.

Как она это делает? Что она со мной делает?

Мог ли он отнести и положить ее куда-нибудь, где бы ее дрожащие колени наконец расслабились? Где он узнал бы, какова на ощупь ее кожа на икрах, под коленками? Сможет ли он извлечь из нее и другие звуки и мелодии?

Он хотел видеть ее лежащей, с открытыми глазами, хотел утопить свой взгляд в этих глазах; он хотел коснуться пальцем ее губ, ее лица. Он хотел, чтобы все ее тело – каждая частичка – целовало его ладони.

Катрин повернулась; ее серые глаза стали похожи на грозовое небо, огромное, распоротое молниями, тревожное.

Он поднял ее на руки. Она прижалась к нему. Он понес ее в спальню, ласково покачивая на руках. Ее спальня была зеркальным отражением его жизни – матрас на полу, вешалка на колесиках в углу, книги, лампа для чтения и проигрыватель.

В высоких окнах он увидел свое отражение, безликий силуэт. Но фигура прямая. Сильная. На руках женщина. Такая женщина!

Жан Эгаре почувствовал, как с его тела спала какая-то оболочка. Чувственная глухота, слепота в отношении себя самого.

Желание быть невидимым.

Я мужчина... Я вновь мужчина...

Он опустил Катрин на незатейливое ложе, на гладкую белую простыню. Она лежала прямо, ноги вместе, руки вдоль тела. Он лег рядом на бок и стал смотреть, как она дышит, как дрожит ее тело в некоторых местах, словно там под кожей пульсировали толчки далеких землетрясений.

Например, в ямке на шее. Между грудью и подбородком. Под самым горлом.

Он наклонился к ней и коснулся губами этой пульсирующей ямки.

Снова этот птичий голос:

- Жан...

Дрожь. Стук ее сердца. Ее тепло.

Она хлынула в него горячим душистым током через его губы, как через воронку.

Огонь, пылавший в ней, перекинулся и на него.

А потом вдруг – о боже, я умираю! – она прикоснулась к нему.

Пальцы сквозь ткань рубашки. Ладонь на коже.

Когда рука Катрин, скользнув вдоль галстука, проникла под его рубашку, в нем вдруг ожило давным-давно забытое чувство. Оно стремительно росло, ширилось, повторяя все его внутренние извивы, заполняя каждую клетку, и наконец подступило к самому горлу так, что у него захватило дух.

Он замер и затаил дыхание, чтобы не вспугнуть, не разрушить это упоительное, устрашающе острое, властное чувство.

Желание. Какое жгучее вожделение!

Чтобы не выдать себя, не показать, насколько его парализовал этот восторг, и чтобы не смущать Катрин своей неподвижностью, он заставил себя медленно – как можно медленнее – выдохнуть.

Любовь.

Это слово, а вслед за ним и воспоминание о самом чувстве поднялось на поверхность его сознания; глаза наполнились слезами.

Как мне ее не хватает!

В глазах Катрин тоже блеснули слезы. За кого она плачет – за себя или за него?

Она вынула руку из-под его рубашки, расстегнула ее, сняла с него галстук. Он приподнялся и склонился над ней, чтобы облегчить ее манипуляции.

Потом она положила ладонь ему на затылок. Она не сжимала ее, не пыталась притянуть к себе его голову.

Губы Катрин приоткрылись, словно говоря: «Поцелуй меня».

Он обводил пальцем контуры этих губ, поражаясь их удивительной мягкости.

Казалось бы, продолжение подразумевалось само собой: одним движением руки вниз преодолеть последнюю дистанцию. Долгий поцелуй, диалог языков, превращение новизны в ощущение родства, любопытства – в вожделение, счастья...

В стыд? В несчастье? В возбуждение?

Запустить руку под платье, медленно раздеть ее, сначала белье, потом платье – да именно так бы он и сделал. Ему приятно было бы сознавать, что под платьем она голая.

Но он не сделал этого.

Катрин в первый раз с момента их соприкосновения закрыла глаза. Раскрыв губы, она сомкнула глаза.

Она словно выставила его за дверь. Он уже не мог видеть, чего ей хочется на самом деле.

Он чувствовал, что в ней что-то произошло. И эта внезапная перемена была чревата новой болью.

Воспоминание о том, как ее целовал муж? (Тем более что это, кажется, было в страшно далеком прошлом. И у него, скорее всего, уже тогда была подружка. И он уже тогда говорил жуткие вещи вроде: «У меня твои недомогания вызывают отвращение!» или «Если мужчина больше не желает видеть женщину в своей спальне, то в этом есть и ее заслуга!») Ее тело наверняка хранит болезненную память о том, как жестоко им пренебрегали – ни ласки, ни прикосновений; вместо этого – глубокое, оскорбительное равнодушие. Воспоминание о сексе с мужем? (В котором она не знала истинного удовлетворения; женщин нельзя баловать, говорил он, избалованные женщины перестают любить, а кроме того, чего ей еще надо – он сделал все, что мог!) Воспоминание о ночах, когда ее охватывало отчаяние и страх, что она больше никогда не почувствует себя женщиной, что больше никто не прикоснется к ней с нежностью и любовью, что она больше никогда не останется наедине с мужчиной за закрытой дверью?

Призраки Катрин встали между нею и Эгаре, а к ним присоединились и его призраки.

– Мы уже не одни, Катрин.

Она открыла глаза. Гроза в них померкла, и тревожные серебряные зарницы превратились в бледный образ покорности.

Она кивнула. Глаза ее наполнились слезами.

– Да. Ах, Жан... Этот идиот появился в тот самый момент, когда я подумала: «Наконец-то! Наконец-то мужчина ласкает меня так, как я всегда этого хотела. А не так, как... ну, одним словом, как этот идиот!»

Она легла на бок, отвернувшись от него.

– Даже мое старое «я»! Эта глупая маленькая забитая Кати. Которая вечно искала вину в себе самой – когда мужчина ей противен или когда родная мать не замечает ее по нескольку дней. Наверное, я что-то сделала не так... что-то упустила из виду... Была недостаточна послушна. Или недостаточно счастлива. Недостаточно сильно любила его или ее, иначе они не были бы такими...

Она заплакала.

Сначала тихо. А потом, когда он накрыл ее одеялом и обнял, положив ей ладонь на затылок, разразилась душераздирающими рыданиями.

Он чувствовал, как она в его руках шла через все тернии, над которыми тысячу раз мысленно пролетала. Боясь упасть вниз, потерять самообладание, утонуть в боли – что и произошло.

Она упала. Коснулась земли, побежденная горем, печалью и унижением.

– У меня больше не было друзей... Он говорил, что им нужно всего-навсего купаться в лучах его славы. Его славы. Он не мог себе представить, что им была интересна я. Он говорил: ты мне нужна. А я ему была совершенно не нужна, он даже не хотел меня... Он хотел один заниматься искусством... Я своим пожертвовала, но ему этой жертвы было мало. Мне, наверное, надо было умереть, чтобы доказать ему, что он для меня все? И что он как художник выше меня на три головы?.. Двадцать лет, Жан!.. – произнесла она отчаянно хриплым шепотом. – Двадцать лет, которые я не жила... Я плевала сама и позволяла ему плевать на свою жизнь...

Дыхание ее постепенно становилось ровным.

Наконец она уснула.

Ее тело обмякло в руках Эгаре.

Значит, и она тоже. Двадцать лет. Похоже, способов испортить себе жизнь больше чем достаточно.

Мсье Эгаре знал, что теперь настал его черед.

Теперь ему предстоит коснуться земли.

В гостиной, на его старом белом кухонном столе, лежало письмо Манон. Впрочем, у него было слабое грустное утешение: осознание того, что не он один промотал свое богатство, свое время.

Он на несколько секунд задумался о том, что было бы, если бы Катрин встретила не Ле П., а его.

Гораздо дольше он думал о том, готов ли он прочесть письмо.

Конечно нет.

Распечатав конверт, он долго нюхал бумагу. Затем закрыл глаза и опустил голову.

Потом сел на высокий барный стул и стал читать письмо, которое Манон написала ему двадцать один год назад.

12

Боньё, 30 августа 1992 г.

Жан, я уже тысячу раз писала тебе и каждый раз начинала с одного и того же слова, потому что ни одно другое слово не передает так точно моего отношения к тебе: «любимый».

Любимый мой Жан! Такой любимый и далекий!

Я сделала глупость. Я не сказала тебе, почему ушла от тебя. И я очень жалею и о том, и о другом – о том, что ушла, и о том, что скрыла от тебя причину.

Пожалуйста, прочти это письмо до конца, не сжигай меня. Я ушла от тебя не потому, что не хотела быть с тобой.

Я хотела этого. Гораздо больше того, что происходит со мной сейчас.

Жан, я очень скоро умру; они говорят, к Рождеству.

Когда я уходила от тебя, мне так хотелось, чтобы ты меня возненавидел!

Я вижу, как ты качаешь головой, mon amour. Но я хотела поступить так, как того требует любовь. А она говорит: действуй во благо другого. Я думала, что для тебя будет лучше, если ты в гневе вычеркнешь меня из своей жизни. Если ты не будешь переживать, скорбеть и вообще не узнаешь о моей смерти. Чик, отрезал – и живешь дальше.

Но я ошиблась. Так не получается, я все же должна сказать тебе, что? случилось со мной, с тобой, с нами. Это и прекрасно, и в то же время ужасно, это слишком огромно для маленького письма. Мы поговорим об этом, когда ты приедешь.

Именно об этом я хочу попросить тебя, Жан: приезжай!

Мне так страшно умирать!

Но я подожду с этим до твоего приезда.

Я люблю тебя.

Манон

P. S. Если ты не захочешь приехать, если твоего чувства для этого недостаточно, я пойму тебя. Ты ничего мне не должен. В том числе и жалости.

P. P. S. Врачи уже не разрешают мне никуда ездить. Люк ждет тебя.

Мсье Эгаре неподвижно сидел в темноте и чувствовал себя так, как будто его зверски избили.

В груди у него все болезненно сжалось.

Этого не может быть!..

Прищурив глаз, он видел себя самого. Того, что жил двадцать один год назад. Видел, как прямо, не сгибаясь, он сидит за столом, словно окаменев, и не желает вскрывать письмо.

Это невозможно!

Она же не могла?..

Она предала его дважды. В этом он твердо себя уверил. На этом он построил свою жизнь.

Ему было худо до тошноты.

И вот, оказывается, это он предал ее. Манон напрасно ждала, что он приедет, и это в то время как она...

Нет! Только не это! Ради бога!

Он все сделал не так.

Письмо, постскриптум – в ее глазах все выглядело так, как будто его чувств и в самом деле не хватило. Как будто Жан Эгаре не настолько любил ее, чтобы исполнить это ее страстное, безумное, заветное последнее желание.

И вместе с осознанием этого в нем росло чувство жгучего, невыносимого стыда.

Он представил ее себе в те долгие, бесконечные часы и недели после отправки письма. Как она ждала, что перед домом остановится машина и в дверь постучит ее Жан.

Прошло лето, осень посеребрила инеем опавшую листву, зима сдула с деревьев последние лохмотья зелени.

А он так и не приехал.

Он закрыл лицо руками, ему хотелось избить самого себя.

А теперь уже поздно.

Мсье Эгаре трясущимися пальцами сложил ветхий листок бумаги, который необъяснимым образом все еще пахнул ею, и сунул обратно в конверт. Потом, отчаянно борясь с дрожью в руках, застегнул рубашку, пошарил ногами в поисках туфель. Привел в порядок волосы перед зеркалом ночного окна.

Ну, прыгай, чего ты ждешь, безмозглый идиот? Это самый простой выход из положения.

Повернув голову, он увидел Катрин, которая стояла, прислонившись к дверному косяку.

– Она меня... – выдавил он из себя, показав на письмо. – Я ее... – Он никак не мог подобрать слово. – А все вышло совсем иначе.

Но какое же тут нужно употребить слово?

– Она тебя любила? – подсказала Катрин.

Он кивнул.

Точно. Вот оно, это слово.

– Это же хорошо.

– Поздно, – ответил он.

Это все перечеркнуло. Это перечеркнуло и меня.

- Похоже, она меня...

Ну, говори же.

- ...покинула из любви. Да, из любви. Покинула.

- Вы еще увидите? – спросила Катрин.

- Нет. Она умерла. Манон уже давно нет в живых.

Он закрыл глаза, чтобы не смотреть на Катрин, чтобы не видеть ту боль, которую он ей сейчас причинит.

- А я любил ее. Я так любил ее, что, когда она ушла, я перестал жить. Она умерла, а у меня засело в голове, как подло она со мной обошлась. Какой я был дурак! И... прости, Катрин, – я им и остался. Я даже не могу ничего толком сформулировать, говоря об этом. Мне, наверное, сейчас лучше уйти, пока я не сделал тебе еще больнее, а?..

- Конечно иди. И обо мне не беспокойся: ты мне не делаешь больно. Такова жизнь, нам уже не по четырнадцать лет. Когда у тебя нет никого, кого бы ты мог любить, поневоле станешь странным. И в каждом новом чувстве на какое-то время оживает старое. Так уж устроен человек... – прошептала Катрин спокойно и уверенно.

Она посмотрела на кухонный стол, который был виновником всего случившегося.

- Хотела бы я, чтобы мой муж покинул меня из любви. Это, наверное, самый лучший вариант быть покинутым.

Эгаре шагнул к Катрин, неловко обнял ее. Но это объятие было проникнуто горечью и отчуждением.

Пока на плите пытел чайник, Эгаре сделал сто отжиманий от пола. После первого глотка кофе он заставил себя сделать еще и двести приседаний, до дрожи в ногах.

Потом принял контрастный душ, побрился, несколько раз серьезно порезавшись. Дождлся, когда перестанет идти кровь, выгладил белую рубашку и завязал галстук. Сунув в карман брюк несколько банкнот, он бросил пиджак на руку и пошел к двери.

На лестничной площадке он старался не смотреть в сторону квартиры Катрин.

Его тело уже успело безумно соскучиться по ее объятиям.

А что потом? Я утешу ее, она утешит меня, и мы будем чувствовать себя как два использованных носовых платка.

Он достал из почтового ящика заказы на книги, оставленные соседями. Поздоровался с Тьерри, вытиравшим столы, влажные от утренней росы.

Он съел свой омлет с сыром, почти не осознавая этого и не чувствуя вкуса, потому что с яростным усердием штудировал утреннюю газету.

- Ну, что едят? - спросил Тьерри, положив руку на плечо Эгаре.

Этот жест был таким легким, таким дружеским, и мсье Эгаре усилием воли заставил себя не вскочить и не потрясти Тьерри за плечи.

Как она умерла? Отчего? Было ли ей больно? Может, она звала меня? Может, каждый день смотрела на дверь? Почему я был таким гордым?

Почему все так случилось? Какое наказание я заслужил? Может, мне и в самом деле покончить с собой? Хоть раз в жизни принять правильное решение?

Эгаре читал рецензии на книги. Читал внимательно, с маниакальной сосредоточенностью, словно задавшись целью не пропустить ни единого слова, ни единого факта, ни единой точки зрения. Он подчеркивал отдельные фразы,

писал свои комментарии и тут же забывал все, что читал.

Читал дальше...

Он даже не поднял головы, когда Тьерри сказал:

- Вон та машина стоит здесь с ночи. Они что там, спят, что ли? Может, опять какие-нибудь охотники на этого писателя?

- Макса Жордана? - спросил Эгаре.

Пусть хоть этот мальчик не совершает таких глупостей.

Тьерри направился к машине, и она сразу же резко тронулась и уехала.

Услышав приближение смерти, она испугалась. И хотела, чтобы я ее защитил. А меня не было. Я в это время жалел сам себя.

Эгаре почувствовал тошноту.

Манон. Ее руки.

Ее письмо, ее запах, ее почерк - во всем этом всегда было что-то живое. Как мне ее не хватает!

Я ненавижу себя. Я ненавижу ее!

Как она допустила такое?.. Как она могла умереть?.. Это наверняка какое-то недоразумение. Она наверняка жива. Живет себе где-нибудь...

Он помчался в туалет, и его вырвало.

Тихого воскресенья не получилось.

Он подмел сходни, разнес по полкам книги, которые за несколько последних дней отказался продавать. С ювелирной точностью расставил их по местам. Вставил в кассовый аппарат новую ленту. Он не знал, куда девать руки.

Если я переживу этот день, я переживу и остальные дни, которые мне отпущены судьбой.

Он обслужил одного итальянца – «Я недавно видел книгу с вороном в очках на обложке. Она уже переведена?»

Он фотографировался с какой-то туристской парочкой, принимал заказы на книги с критикой ислама из Сирии, продал одной испанке антитромбозные чулки, насыпал в мисочки корм для Кафки и Линдгрена.

Пока кошки бродили по судну, Эгаре листал каталог канцелярских товаров, в котором были представлены не только термосалфетки с напечатанными на них рассказами из шести слов разных авторов, от Хемингуэя до Мураками, но и солонки, перечницы и приборы для специй в виде миниатюрных бюстов. Шиллер, Гёте, Коlette[19 - Сидони-Габриэль Коlette (1873–1954) – французская писательница.], Бальзак и Вирджиния Вулф, у которых из черепов сыпалась соль, перец или сахар.

Что за чушь?..

«Абсолютный бестселлер в разделе нон-бук: новые закладки в каждом книжном магазине. Особое предложение: „Ступени“ Германа Гессе – культовая подпорка для книг отдела поэзии!»

Эгаре тупо уставился на рекламный текст.

Знаете что? Пошли вы все в жопу с вашими Гёте-солонками! С вашими детективами на туалетной бумаге! И «Ступенями» – «В любом начале волшебство таится»[20 - Строка из стихотворения Германа Гессе «Ступени». Перевод С. Апта.]– в качестве украшения книжной полки!.. Спешите видеть! Хватит!

Эгаре посмотрел из окна на Сену.

Как сверкает вода! Как дробится в ней небо!

В сущности, очень даже недурно.

Может, Манон рассердилась на меня за что-нибудь и поэтому ушла таким необычным способом? Потому что я такой, какой есть, и у нее просто не было другой возможности? Например, поговорить со мной. Просто рассказать мне о своей беде. Попросить меня о помощи. Сказать мне правду.

– Что я, не человек, что ли? Кто я вообще? – произнес он вслух.

Жан Эгаре захлопнул каталог, свернул его в трубочку и сунул в задний карман серых брюк.

Он словно только для этого и жил все последние двадцать с лишним лет. До этой самой минуты, когда вдруг понял, что ему нужно делать. Что он должен был делать все это время, – даже без письма Манон.

Мсье Эгаре прошел в машинное отделение, открыл ящик с инструментами, в котором царил безукоризненный порядок, достал аккумуляторный винтовёрт, сунул в карман насадку и пошел к сходням. Вынув каталог из кармана и положив его на металлический настил, Эгаре встал коленями на глянцевые страницы, надел насадку на винтовёрт и принялся вывинчивать мощные болты, которыми сходни были закреплены у причала. Один за другим.

Затем отсоединил шланг для забора воды с берега, вынул штекер из распределительного щита на пристани и снял с кнехтов швартовы, которыми «Литературная аптека» уже двадцать лет была прикована к берегу.

Эгаре несколько раз ударил каблуком по кромке сходней, чтобы они отделились от береговой стенки, поднял их, протолкнул в бортовой проем на палубу, прыгнул на борт и закрыл дверцу.

Он пошел на корму в рулевую рубку, мысленно послав на рю Монтаньяр радиogramму: «Прости, Катрин», – и перевел ключ зажигания в положение предпускового подогрева.

Потом через десять секунд, которые он отсчитывал в радостном предвкушении старта, повернул ключ еще на одно деление.

Двигатель завелся как по команде.

- Мсье Эгаре! Мсье Эгаре! Алё! Подождите!

Он обернулся через плечо.

Жордан?.. Да, это Жордан! В наушниках и украшенных стразами солнечных очках на пол-лица из арсенала мадам Бомм, как определил Эгаре.

Жордан мчался к «книжному ковчегу» с зеленым парусиновым рюкзаком на спине, возбужденно прыгавшим в такт его шагам, и разнокалиберными сумками, болтавшимися у него в руках. За ним бежала какая-то парочка с фотоаппаратом.

- Вы куда? - заорал на ходу Жордан.

- К черту! Подальше отсюда! - проорал в ответ Эгаре.

- Отлично! Я с вами!

Жордан принялся швырять свой багаж на борт, когда «Лулу», натужно дрожа от непривычной вибрации, уже отделилась от набережной. Половина вещей полетела в воду, в том числе и нагрудная сумочка с мобильным телефоном и бумажником.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Немецкое название романа английской детской писательницы Филиппы Пирс (1920–2006) «Том и полночный сад». – Здесь и далее примеч. перев.

2

Дорогой мсье (фр.).

3

Дорогая мадам (фр.).

4

Боязнь высоты.

5

«Литературная аптека» (фр.).

6

Фантастическая трилогия английского писателя Филипа Пулмана (р. 1946).

7

День взятия Бастилии, национальный праздник.

8

Парижская резиденция президента Франции.

9

Роман на одну ночь (англ.).

10

После прихода к власти в Германии национал-социалистов в 1933 г. этот французский городок стал одним из важнейших центров немецкой антифашистской эмиграции, ее «культурной столицей». Здесь жили и работали многие известные немецкие писатели: Бертольт Брехт, Лион Фейхтвангер, Томас Манн, Генрих Манн, Стефан Цвейг и др.

11

Квартал Парижа на правом берегу Сены.

12

Грейс Джонс (р. 1948) – американская певица, актриса и фотомодель родом с Ямайки.

13

Анаис Нин (1903–1977) – американская и французская писательница, известная своими эротическими романами.

14

Роман французской писательницы и художественного критика Катрин Милле (р. 1948).

15

Маргерит Дюрас (Донадьё; 1914–1996) – французская писательница, сценарист, режиссер и актриса.

16

Карл Черни (1791–1857) – австрийский пианист и композитор чешского происхождения, знаменитый тем, что создал огромное количество этюдов для фортепиано.

17

Серия эпических романов в жанре фэнтези американского писателя и сценариста Джорджа Р. Р. Мартина (р. 1948).

18

Карла Бруни (р. 1967) – итало-французская топ-модель, композитор, поэтесса-песенница и певица, а также бывшая первая леди Французской Республики – третья жена 23-го президента Франции Николя Саркози (со 2 февраля 2008 г.).

19

Сидони-Габриэль Колетт (1873–1954) – французская писательница.

20

Строка из стихотворения Германа Гессе «Ступени». Перевод С. Апта.

Купити: <https://telnovel.me/nina-george/lavandovaya-komnata-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)